ИЗДАНІЕ ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

С 13
К 71

ЧТО ТАКОЕ КУЛЬТУРА

и

что такое геніальность съ точки зрѣнія развитія культуры.

N 475

(Докладъ, читанный въ засѣданіи Историческаго Общества 24 марта 1902 г.).

Н. В. ТЕПЛОВА.

МОСКВА.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтык. п., д. № 9.
1902.

О-1
Т-33

91

„Пров 38“

Дозволено цензурою. Москва, 5 апрѣля 1902 г.

БИБЛИОТЕКА
СТВЕЧЕСКОЙ
ДЕМИИ.
1766
26

I. Что такое культура?

И въ наукѣ, и въ разговорной рѣчи мы очень часто употребляемъ слово культура въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ и видахъ. Мы говоримъ объ исторіи культуры, о культурномъ развитіи человѣчества, о матеріальной или духовной культурѣ, о малокультурности того или иного человѣка и т. д. и т. д. Но употреблять слово, и даже въ общемъ болѣе или менѣе правильно употреблять, не значитъ еще ясно и точно понимать его и умѣть опредѣлить. И мнѣ кажется, что весьма разнообразныя явленія въ общемъ правильно подводятся многими писателями подъ понятіе культуры, но само понятіе остается далеко не выясненнымъ и оставляетъ очень многаго желать въ смыслѣ точности и отчетливости. Благодаря же этому остается масса туманнаго и спорнаго и въ истолкованіи самыхъ явленій.

Итакъ, постараемся уяснить себѣ, что собственно понимаемъ мы подъ этимъ словомъ.

Первое, что бросается намъ въ глаза, это то, что мы говоримъ о культурѣ человѣка, но не говоримъ о культурѣ животнаго и тѣмъ болѣе растительнаго царства, если только ихъ не коснулся человѣкъ. Пока мы остаемся въ области зоологіи, мы говоримъ о физическомъ строеніи животныхъ, о сравнительно-анатомическомъ строеніи и функціяхъ ихъ органовъ, о естественномъ или половомъ подборѣ, мы говоримъ даже объ инстинктахъ и умѣ животныхъ, но не говоримъ объ ихъ культурѣ.

Но, вѣдь, жизнь человѣка есть непосредственное продолженіе жизни животнаго царства. Почему же понятіе, примѣнимое къ жизни перваго, не примѣняется по отношенію къ послѣднему? Простая ли это случайность, прихоть слово-

употребленія, или же дѣло идетъ о какомъ либо болѣе глубокомъ различіи въ характерѣ самихъ явленій? Отвѣтить на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, очень нетрудно. Для этого мы только должны спросить себя, нѣтъ ли въ жизни человѣка всѣхъ тѣхъ явленій, какія мы находимъ въ жизни животнаго, и если да, примѣняемъ ли мы понятіе культуры по отношенію къ этимъ общимъ животному и человѣку явленіямъ.

На оба вопроса отвѣтъ ясенъ. Въ жизни человѣка мы, несомнѣнно, можемъ найти все то, что находимъ въ жизни всего животнаго царства, и не только можно найти все это, но и существуетъ наука, изучающая человѣка съ той же точки зрѣнія, съ какой зоологія изучаетъ животныхъ, наука изучающая человѣка какъ животное,—это антропологія, для которой человѣкъ—homo sapiens—есть первое семейство порядка приматовъ среди класса млекопитающихъ. Но не менѣе очевидно и то, что пока мы изучаемъ человѣка, какъ животное, пока мы говоримъ о физическомъ типѣ человѣка, объ устройствѣ или функціяхъ его органовъ, пока мы подраздѣляемъ человѣчество на основаніи физическихъ признаковъ на расы или другія группы, или сопоставляемъ физическій типъ человѣка съ типомъ того или иного животнаго, мы остаемся въ области антропологіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, но не имѣемъ никакого права говорить о культурѣ. На умъ можетъ притти догадка, не заключается ли все дѣло въ томъ, что въ одномъ случаѣ мы изучаемъ физическую сторону жизни человѣка, въ другомъ, такъ называемую, духовную сторону. Но, очевидно, дѣло заключается вовсе не въ этомъ, ибо мы дѣлимъ обыкновенно культуру на нѣсколько отдѣловъ и одинъ изъ нихъ мы называемъ духовной культурой, а другой—мы прямо называемъ матеріальною культурой. И вотъ, мнѣ кажется, именно этотъ отдѣлъ и поможетъ намъ разобраться въ данномъ вопросѣ.

Вѣдь, казалось бы на первый взглядъ, что матеріальная сторона человѣческой жизни имѣетъ гораздо больше общаго съ физическою стороною его жизни какъ животнаго, нежели съ духовною ея стороною; а между тѣмъ, дѣля явленія человѣческой жизни на явленія, съ одной стороны, зоологическаго или біологическаго, съ другой—культурнаго порядка, мы отдѣляемъ матеріальное отъ физическаго и сближаемъ его съ духовнымъ.

Что же общаго имѣетъ матеріальная культура съ духовною, и въ чемъ отличается она отъ всѣхъ явленій, находимыхъ нами въ животномъ царствѣ?

Почему та или иная форма носа есть явленіе зоологическаго порядка, а та или иная форма прически такого же культурнаго порядка, какъ и та или иная форма черепка, или тотъ или иной размѣръ пѣсни? Почему саблевидная форма берцовой кости или тотъ или иной головной индексъ есть явленіе зоологическаго порядка, а искусственная деформація черепа или стопы или трепанація черепа съ цѣлью изгнать злого духа есть явленіе такого же культурнаго порядка, какъ и та или иная форма заклинанія или обоготворенія той или иной силы природы? И такихъ сопоставленій мы можемъ сдѣлать не два и не три, а сотни и тысячи, и если, дѣйствительно, продѣлать всѣ эти сопоставленія, то, мнѣ кажется, нетрудно притти къ очень ясному и вполнѣ опредѣленному рѣшенію поставленнаго нами вопроса, но рѣшеніе можно выразить и въ болѣе конкретной формѣ, и въ болѣе отвлеченной.

Если мы будемъ анализировать всѣ эти сопоставленія въ отдѣльности и будемъ давать отвѣтъ на каждый данный конкретный случай, то отвѣтъ приметъ приблизительно такую болѣе или менѣе конкретную форму.

Когда какой либо признакъ, какой либо фактъ или какое либо измѣненіе у животнаго или человѣка даны самою природою, то мы находимся въ области зоологіи или антропологіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, вообще въ области біологическихъ наукъ. Но когда совершенно аналогичный признакъ, фактъ или измѣненіе создаетъ самъ человѣкъ и притомъ такъ, что онъ можетъ и сдѣлать и не сдѣлать этого и, что особенно важно, можетъ научить этому другого человѣка, то мы имѣемъ дѣло съ культурнымъ явленіемъ.

Если же мы отвлечемся отъ этихъ конкретныхъ случаевъ и постараемся дать общее опредѣленіе понятію культуры, то мы выразимъ его въ абстрактной и потому менѣе говорящей нашему воображенію, но въ то же время болѣе совершенной и точной формѣ и опредѣлимъ искомое понятіе приблизительно такъ.

Всѣ тѣ явленія, измѣненія или признаки, безразлично, физическіе или духовные, которые передаются наслѣдствен-

нымъ путемъ, относятся къ явленіямъ зоологическаго или біологическаго порядка, всѣ же тѣ пріобрѣтенія въ жизни, которыя могутъ быть усваиваемы человѣкомъ независимо отъ наслѣдственной передачи, путемъ общенія съ другимъ человѣкомъ,—все это относится къ порядку явленій культурныхъ.

Такъ какъ намъ очень часто придется говорить объ этомъ спеціальномъ способѣ передачи культурныхъ пріобрѣтеній въ отличіе отъ наслѣдственной передачи біологическихъ признаковъ, то намъ необходимо подыскать какой нибудь постоянный терминъ для обозначенія этого способа. Проще всего было бы назвать его латинскимъ словомъ традиція, т.-е. передача, но слово это уже пріобрѣло совсѣмъ другой смыслъ, и поэтому я останавливаюсь на довольно близкомъ къ нему по своему значенію словѣ—трансляція, т. е., буквально, переносъ, передача. Можно было бы воспользоваться и тѣмъ терминомъ, который употребляетъ Тардъ, — подраженіе. Но терминъ этотъ связанъ у Тарда съ цѣлымъ философскимъ построеніемъ, принять которое цѣликомъ едва ли мы въ правѣ, и имѣетъ гораздо болѣе универсальный смыслъ, нежели тотъ фактъ, который мы имѣемъ въ виду, говоря о трансляціи. Хотя самый фактъ, какъ мнѣ кажется, совершенно вѣрно подмѣченъ Тардомъ, и мнѣ думается, очень быстро получилъ бы всеобщее признаніе, если бы его толкованію не была придана такая универсальная философская окраска, и если бы, увлеченный стройностью своей теоріи, онъ не сталъ выдавать его за единственный ключъ къ объясненію всѣхъ явленій общественной жизни.

Постараемся теперь провѣрить данное выше опредѣленіе культуры и обратимся къ тому, съ чѣмъ мы знакомимся во всевозможныхъ исторіяхъ культуры. Мы увидимъ, что весь обширный классъ явленій, обозначаемыхъ обыкновенно и въ наукѣ, и въ разговорной рѣчи понятіемъ культурнаго явленія, вполнѣ совпадаетъ съ этимъ понятіемъ, какъ мы его только что опредѣлили.

Сюда подойдутъ прежде всего факты, касающіеся физической жизни человѣка, но отличающіеся тѣмъ, что они передаются не наслѣдственнымъ путемъ, а путемъ непосредственнаго усвоенія однимъ человѣкомъ того, что и какъ сдѣлано другимъ человѣкомъ, т. е. путемъ трансляціи.

Физической стороны. человѣческой жизни касаются, если не исключительно, то преимущественно заботы о пищѣ, одеждѣ и жилищѣ.

Съ изложенной точки зрѣнія намъ будетъ вполнѣ понятно, почему вопросъ о томъ, приспособлены ли зубы человѣка къ разрыванію мяса или растиранію травы или плодовъ, а желудокъ его—къ перевариванію животной или растительной пищи,—относится къ области зоологіи или антропологіи, а вопросъ о томъ, умѣетъ ли варить человѣкъ пищу или нѣтъ, умѣетъ ли приручить козу или быка, ѣстъ ли онъ сырое или вареное мясо и плоды, какія изъ такъ называемыхъ культурныхъ растеній употребляетъ онъ въ пищу или питье, охотится ли онъ за дичью, или кочуетъ со своими стадами, или же, наконецъ, осѣлъ для занятія земледѣліемъ, и какими орудіями онъ пользуется при обработкѣ земли, умѣетъ ли сшивать шкуры или выдѣлывать ткани и одѣваться, живетъ ли онъ въ земляныхъ ямахъ, строитъ ли онъ себѣ шалашъ изъ прутьевъ или дома изъ дерева, камня, желѣза или стекла,—сотни и тысячи аналогичныхъ и частныхъ и общихъ вопросовъ относятся къ разряду явленій культурныхъ. Опредѣленная форма и число зубовъ и устройство желудка или кишечника—даны природою и передаются наслѣдственнымъ путемъ, но умѣніе высѣкать огонь изъ кремня и варить пищу, умѣніе приручить лошадь или быка, умѣніе прясть и ткать, выводить сводъ или выдалбливать челнъ—наслѣдственнымъ путемъ не передаются. Чтобы умѣть все это дѣлать, всему этому надо обучиться, т. е., надо знать, какъ это было сдѣлано другимъ человѣкомъ.

Если мы перейдемъ теперь въ область такъ называемой духовной культуры, то и здѣсь увидимъ то же самое. Ни большій или меньшій вѣсъ мозга у европейца, австралійца или высшихъ обезьянъ, находящійся въ извѣстной связи съ развитіемъ интеллекта, ни умъ или глупость отдѣльныхъ индивидуумовъ, ни опредѣленное устройство человѣческаго языка, ни умѣніе новорожденнаго ребенка сосать или кричать мы не подводимъ подъ понятіе культуры точно такъ же, какъ и умѣніе вороны каркать, а пѣтуха кукурекать. Но умѣніе человѣка говорить, умѣніе писать и считать, наконецъ, три безконечно разнообразныхъ и безконечно обширныхъ класса явленій, которые мы обозначаемъ понятіями науки, искусства

и религіи,—все это относится къ разряду явленій культурныхъ. И это вполнѣ понятно. Инстинктъ издаванія опредѣленныхъ звуковъ или умѣніе клевать едва вылупившемуся изъ яйца цыпленку передается такимъ же наслѣдственнымъ путемъ, какъ и опредѣленная форма клюва или окраска перьевъ. Но для того, чтобы говорить на какомъ нибудь языкѣ, надо знать, надо слышать, какъ говорятъ другіе люди, и англичанинъ, грудным ребенкомъ попавшій къ китайцамъ или готтентотамъ, заговоритъ по-китайски или готтентотски, а не по-англійски. Точно такъ же надо знать, надо видѣть или слышать, какъ дѣлаютъ другіе, для того, чтобы умѣть пѣть или играть на скрипкѣ или фортепіанѣ; надо знать, что всѣ вокругъ меня вѣруютъ въ Юпитера или Юнону, для того, чтобы я въ нее также могъ увѣровать.

Наконецъ, есть третій такой же обширный классъ явленій, входящихъ въ понятіе культуры,—это различныя формы общественной организаціи, включая сюда и соціально-экономическія отношенія.

То, что слоны водятся стадами, а львы въ одиночку, то, что кукушка кладетъ яйца въ чужое гнѣздо, а голубь ихъ самъ высиживаетъ,—мы все это называемъ инстинктомъ, а не культурою, потому что все это привычки, не вырабатывающіяся путемъ усвоенія привычекъ сосѣдей, а заложенныя природою въ самую организацію животнаго; такимъ же инстинктомъ, а не культурою мы называемъ и половое влеченіе не только у животнаго, но и у человѣка, и многія изъ материнскихъ чувствъ. Но та или иная форма семейной организаціи у человѣка, та или иная форма политической организаціи, тѣ или иныя соціальныя или экономическія отношенія мы относимъ къ разряду явленій культурныхъ, потому что и эта безконечно разнообразная и обширная группа также относится къ тому классу явленій, которыя передаются вовсе не путемъ наслѣдственной передачи отъ отца къ сыну, но путемъ свободнаго или насильственнаго усвоенія того, что дѣлаютъ другіе.

Сдѣлавъ этотъ общій обзоръ важнѣйшихъ группъ культурныхъ явленій и провѣривъ такимъ образомъ правильность установленной нами точки зрѣнія, мы еще разъ возвратимся къ нашему основному сопоставленію біологіи и культуры,

чтобы еще разъ нѣсколько видоизмѣнить наше опредѣленіе культуры и установить его въ окончательной формѣ.

Всѣ тѣ признаки, которые передаются въ біологическомъ мірѣ наслѣдственнымъ путемъ, мы можемъ разсматривать, какъ приспособленія къ борьбѣ за жизнь. Но если жизнь человѣка есть непосредственное продолженіе жизни животнаго, то и всѣ тѣ пріобрѣтенія, которыя такъ или иначе передаются отъ человѣка къ человѣку и такимъ путемъ сохраняются среди даннаго вида, мы имѣемъ право тоже разсматривать, какъ приспособленія къ борьбѣ за жизнь. Но только подъ борьбою за жизнь мы должны подразумѣвать не простую борьбу за существованіе, какъ это часто дѣлается, но именно борьбу за жизнь,—понятіе гораздо болѣе широкое, нежели просто существованіе. Борьба за существованіе означаетъ борьбу за то, что необходимо для жизни, но кромѣ того, что необходимо, есть, во-первыхъ, то, что полезно, и, во-вторыхъ, то, что пріятно въ жизни. И для того, чтобы наше понятіе о борьбѣ за жизнь дѣйствительно соотвѣтствовало реальнымъ отношеніямъ, мы должны понимать ее, какъ борьбу не за одно только необходимое, но за то, что необходимо—во-первыхъ, за то, что полезно — во-вторыхъ и за то, что пріятно—въ-третьихъ.

Теперь мы можемъ установить такое положеніе: приспособленія къ борьбѣ за жизнь въ растительномъ и животномъ царствѣ передаются исключительно наслѣдственнымъ путемъ, приспособленія же къ борьбѣ за жизнь въ человѣческомъ обществѣ передаются не только этимъ путемъ, но и путемъ усвоенія, благодаря сношенію съ другими индивидуумами, приспособленій, достигнутыхъ этими послѣдними, или даже путемъ непосредственнаго пользованія этими чужими приспособленіями. Факты перваго порядка суть явленія біологическія, факты второго порядка суть явленія культурныя.

И подобно тому, какъ біологическія приспособленія, передаваясь наслѣдственнымъ путемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, могутъ закрѣпляться, накопляться и суммироваться, точно такъ же и приспособленія культурнаго порядка, передаваясь, могутъ закрѣпляться, накопляться и суммироваться, образуя особое культурное наслѣдіе, которое отличается отъ явленія біологической наслѣдственности тѣмъ, что передается не путемъ физическаго рожденія, но путемъ трансляціи.

Кое-какія указанія, кое-какіе слабые намеки на этотъ транслятивный способъ передачи признаковъ мы, можетъ быть, найдемъ и въ животномъ царствѣ, но здѣсь это мелкіе, разсѣянные факты, играющіе ничтожную роль въ жизни животнаго, между тѣмъ какъ въ жизни человѣка это тотъ господствующій фактъ, который выступаетъ на первый планъ и который сдѣлалъ человѣка царемъ природы.

Чтобы въ нашемъ опредѣленіи не оставалось ничего неяснаго, постараемся, если это возможно, еще отчетливѣе выразить разницу между этими двумя способами передачи приспособленій и установить, къ чему сводится сущность каждаго изъ нихъ.

Біологическій путь передачи признаковъ есть непосредственный выводъ изъ двухъ основныхъ законовъ біологіи. Первый заключается въ томъ, что одно живое существо можетъ произойти только отъ живого существа — omnis cellula a cellula, второй законъ—тотъ, что всякое живое существо получаетъ организацію того другого или въ огромномъ большинствѣ случаевъ тѣхъ двухъ другихъ живыхъ существъ, отъ которыхъ оно произошло. Получая организацію своихъ родителей, живое существо можетъ усвоить и нѣкоторые изъ признаковъ, отличающихъ этихъ родителей отъ другихъ особей аналогичной организаціи.

Культурный способъ передачи приспособленій имѣетъ своимъ корнемъ совсѣмъ иныя отношенія, представляетъ выводъ совсѣмъ изъ другихъ фактовъ. Дѣло въ томъ, что орудіями борьбы за жизнь могутъ служить не только тѣ или иныя особенности организаціи живого существа, но и пользованіе внѣшними для даннаго существа объектами (палкою, камнемъ, лошадью и т. д.)—это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, приспособленіемъ къ борьбѣ за жизнь можетъ служить наличность опредѣленныхъ отношеній къ другимъ подобнымъ себѣ особямъ.

Въ-третьихъ, какъ пользованіе внѣшними объектами, такъ и установленіе опредѣленныхъ отношеній съ подобными себѣ особями есть результатъ опредѣленныхъ движеній данной особи, употребляя слово движенія въ самомъ широкомъ смыслѣ вообще всякаго рода дѣятельности.

Но совершеніе опредѣленныхъ дѣйствій можетъ быть или простымъ слѣдствіемъ опредѣленной организаціи, или же

координаціей нашихъ движеній съ представленіемъ о той цѣли, которая имѣется въ виду.

Когда опредѣленныя движенія или дѣйствія представляютъ собою лишь простое проявленіе опредѣленной организаціи и, какъ проявленія таковой, могутъ, стало быть, подобно другимъ признакамъ организаціи передаваться путемъ біологической наслѣдственности, то мы совокупность такихъ особенностей организаціи называемъ инстинктомъ. Характерный признакъ инстинкта заключается въ томъ, что животное совершаетъ опредѣленныя, заложенныя въ его природу, движенія даже тогда, когда они оказываются совершенно безсмысленными съ точки зрѣнія осуществленія той цѣли, къ которой они клонятся.

Такимъ образомъ, отличительный признакъ инстинкта— это отсутствіе непосредственной координаціи дѣйствія съ тою цѣлью, которая по существу имѣется имъ въ виду. Этимъ инстинктъ рѣзко отличается отъ того, что обыкновенно называется сознательною дѣятельностью. Возможность сознательной координаціи движеній съ тою или иною цѣлью вытекаетъ изъ того факта, что въ нѣкоторыхъ живыхъ организмахъ, благодаря наличности органовъ чувствъ и ума, возможно образованіе представленій какъ о томъ, къ чему влечетъ инстинктъ, такъ и о томъ, что служитъ удовлетворенію влеченія, возможно, далѣе, сочетаніе и сопоставленіе тѣхъ и другихъ представленій и координированіе съ ними движеній. Вотъ здѣсь мы подходимъ къ ключу для объясненія возможности культурнаго развитія въ противоположность біологическому. Ключъ—въ томъ, что тотъ органъ, при помощи котораго составляются представленія, комбинируются между собою, а затѣмъ съ ними координируются движенія, этотъ органъ, подобно остальной организаціи, передается отъ особи къ особи наслѣдственнымъ путемъ, но новыя, возникшія въ данной особи, опредѣленныя комбинаціи представленій и вытекающія отсюда опредѣленныя координаціи съ ними движеній наслѣдственнымъ путемъ весьма трудно передаются, если и передаются вообще; но сами движенія и результаты ихъ, будучи воспринимаемы органами одного индивидуума, могутъ создавать въ его умѣ представленія тожественныя или аналогичныя тѣмъ, которыя были причиною этихъ опредѣленныхъ движеній другого индивидуума. А разъ

такія представленія образованы въ умѣ другого индивидуума, они могутъ быть причиною дѣйствій, аналогичныхъ тѣмъ, которыя послужили для нихъ образцомъ.

Едва ли нужно прибавлять, что опредѣленная координація движеній съ представленіями можетъ быть не только такимъ же сильнымъ орудіемъ борьбы за существованіе, какъ и опредѣленная организація, но и во сто кратъ болѣе могущественнымъ.

Если бы мы захотѣли еще рельефнѣе выразить самую сущность этого различія, то, выражаясь до нѣкоторой степени условно и грубо, мы могли бы сказать, что, поскольку приспособленія къ борьбѣ за жизнь заключаются въ опредѣленной организаціи самихъ органовъ, они передаются наслѣдственнымъ путемъ, но, поскольку они заключаются въ опредѣленномъ функціонированіи одного изъ такихъ органовъ, именно, мозга, они могутъ передаваться совершенно независимо отъ наслѣдственности, путемъ непосредственной трансляціи. Какъ только становится возможнымъ такой способъ передачи, становится возможна культура и культурное развитіе.

Однако эта, такъ сказать, идейная форма трансляціи не есть единственная возможная. Напротивъ, на низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія она играетъ сравнительно второстепенную роль, на первый же планъ выступаетъ трансляція матеріальная и соціальная, заключающаяся въ томъ, что передается самъ предметъ, служащій приспособленіемъ къ борьбѣ за жизнь, напримѣръ, ножъ, лукъ, ружье, домъ и т. д.; передается и та организація, среди которой выросъ данный индивидуумъ—семейная, родовая, государственная, промышленная и т. д. Эти двѣ формы трансляціи хотя и невозможны безъ присоединенія нѣкоторой идейной трансляціи, но подводить ихъ подъ понятіе подражанія, о которомъ говоритъ Тардъ, можно лишь съ такими натяжками, которыя лишаютъ это понятіе всякаго реальнаго значенія.

Уяснивъ себѣ сущность всѣхъ этихъ различій, мы сможемъ теперь установить болѣе ясное, послѣдовательное и систематичное дѣленіе культуры на важнѣйшіе отдѣлы.

Первый отдѣлъ—это приспособленіе внѣшнихъ объектовъ къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей. Совершенно очевидно, что палка или заостренный камень, желѣзный ножъ,

ружье и пушка, горшокъ, въ которомъ варится пища, или теплая шуба—все это съ такимъ же правомъ можетъ быть названо орудіемъ борьбы за существованіе, какъ и зубы, бивни или когти животнаго, или нѣсколько желудковъ жвачнаго, или мѣхъ лисы или медвѣдя. Но такъ же очевидно и то, что ни палка, ни горшокъ, ни шуба отнюдь не есть приспособленіе самой организаціи животнаго, а составляютъ внѣшній объектъ, которымъ можно умѣть или не умѣть пользоваться, который можно умѣть или не умѣть приготовлять, и что умѣніе или неумѣніе пользоваться зависитъ, если не всецѣло, то главнымъ образомъ отъ нашего знакомства съ тѣмъ, какъ пользуются этими объектами другіе индивиды. Весь этотъ обширный отдѣлъ приспособленій внѣшнихъ объектовъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей и, стало быть, къ служенію намъ орудіемъ борьбы за жизнь, и составляетъ въ своей совокупности то, что мы называемъ *матеріальною* культурой.

Второй отдѣлъ—это установленіе опредѣленныхъ отношеній съ подобными себѣ особями. Совершенно очевидно, что соединеніе съ подобными себѣ индивидами въ семейныя, племенныя, городскія или государственныя группы есть также весьма могущественное орудіе борьбы за жизнь. Не менѣе очевиденъ и тотъ фактъ, что и этотъ видъ приспособленія къ жизни отнюдь не входитъ въ самую организацію индивида, если не считать элементарныхъ зачатковъ соціальнаго инстинкта, и что человѣкъ не рождается съ опредѣленною формою общественной организаціи, а рождается въ опредѣленныхъ условіяхъ общественной организаціи, знакомится съ ними и усваиваетъ ихъ.

Этотъ отдѣлъ приспособленій къ борьбѣ за жизнь образуетъ въ своей совокупности то, что можно назвать *соціальной* культурою.

Третій отдѣлъ—это образованіе опредѣленныхъ представленій и установленіе опредѣленныхъ отношеній между ними. Этотъ отдѣлъ предполагается первыми двумя, и они безъ него немыслимы. Для того, чтобы воспользоваться какимъ либо внѣшнимъ объектомъ подобно тому, какъ это сдѣлалъ другой индивидъ, необходимо, чтобы въ моемъ мозгу составилось представленіе о палкѣ, о ножѣ, о горшкѣ или шубѣ и о томъ, какъ ими можно пользоваться и дѣйствовать.

Такая же масса самыхъ разнообразныхъ представленій нужна и для того, чтобы умѣть построить каменный или деревянный домъ, выложить русскую или голландскую печь, сточать сапоги, соткать холстъ. Весь этотъ безконечно разнообразный и обширный классъ приспособленій такъ же мало присущъ организаціи человѣка отъ рожденія, какъ и представленіе о рентгеновскихъ лучахъ и безпроволочномъ телеграфѣ, и такъ же мало, какъ и послѣдніе можетъ передаваться отъ одной особи къ другой путемъ біологической наслѣдственности.

Мнѣ кажется, совершенно очевидно, что усвоеніе человѣкомъ ни матеріальной, ни соціальной культуры немыслимо безъ знакомства какъ съ тою, такъ и съ другою, безъ образованія цѣлаго сонма представленій о внѣшнихъ объектахъ, приспособленныхъ для удовлетворенія нуждъ, и объ опредѣленныхъ соціальныхъ отношеніяхъ. Для того, чтобы зажечь лампу спичкою и освѣтить комнату, надо имѣть извѣстное представленіе о лампѣ и спичкахъ; для того, чтобы участвовать въ марафонской битвѣ вмѣстѣ съ греками надо имѣть извѣстное представленіе о грекахъ и греческихъ государствахъ и о персахъ; для того, чтобы подавать свой голосъ за аграріи или соціалъ-демократа надо имѣть извѣстное представленіе о рабочихъ, о существованіи промышленности, сельскаго хозяйства и о массѣ другихъ связанныхъ съ ними вещахъ.

Вообще для того, чтобы координація нашихъ движеній и дѣйствій съ нашими потребностями въ области приспособленія какъ внѣшнихъ объектовъ, такъ и соціальныхъ отношеній къ сохраненію, подкрѣпленію и услажденію нашей жизни была вѣрна, необходимо огромное количество представленій объ этихъ внѣшнихъ объектахъ и соціальныхъ отношеніяхъ и опредѣленное отношеніе между ними, а также опредѣленное отношеніе между этими представленіями и представленіями о нашихъ потребностяхъ. Этотъ капитальный фактъ есть истина неоспоримая для всякаго здравомыслящаго человѣка.

Весь этотъ обширный отдѣлъ мы можемъ подвести подъ понятіе культуры идейной или духовной. Сюда входитъ знаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова—включая сюда техническія знанія, знакомство съ природою и соціальными

отношеніями, наконецъ, науку въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ этотъ же отдѣлъ входитъ и то, что мы называемъ искусствомъ, ибо цѣль его есть воплощеніе присутствующихъ въ насъ представленій. Сюда же входитъ и религія.

Я считаю необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе на выясненіи того значенія, которое имѣетъ духовная или, какъ мы ее назвали, идейная культура. То положеніе, что для опредѣленной сознательной координаціи движеній съ представленіями необходима наличность опредѣленныхъ представленій какъ о конечной цѣли нашихъ движеній, такъ и о средствахъ, при помощи которыхъ она можетъ быть достигнута,—на первый взглядъ, казалось бы, что это положеніе не требуетъ доказательствъ, ибо это слишкомъ общеизвѣстный психологическій фактъ, наблюдаемый нами на каждомъ шагу жизни. Считаю не лишнимъ повторить, что я говорю здѣсь о сознательной координаціи, такъ какъ мы въ данномъ случаѣ говоримъ не объ инстинктѣ, а о культурѣ, которая предполагаетъ собою движенія по крайней мѣрѣ настолько сознательныя, что имъ можно обучить другого индивидуума. Однако указанное положеніе принадлежитъ, къ сожалѣнію, къ тому обширному разряду положеній, которыя въ своей конкретной, осязательной формѣ всѣмъ хорошо извѣстны и всѣми признаются, но какъ только мы даемъ имъ общую формулировку, возбуждаютъ нескончаемые споры и пререканія. Въ основѣ всѣхъ споровъ по этому поводу лежитъ, мнѣ кажется, одно коренное недоразумѣніе, въ которомъ часто бываетъ повинна не только та сторона, которая споритъ противъ подобнаго положенія, но и та, которая его защищаетъ, быть можетъ, послѣдняя даже еще чаще бываетъ повинна въ этомъ. Недоразумѣніе это заключается въ недостаточно ясномъ разграниченіи представленія объ извѣстной цѣли со стремленіемъ къ ней, съ желаніемъ достигнуть ея. Знать цѣль и средства къ ея достиженію далеко еще не значитъ, дѣйствительно, стремиться къ ней. Можно прекрасно знать, какъ надо честно управлять банкомъ и въ то же время превосходно можно класть банковскія деньги въ свой собственный карманъ. Это также истина общеизвѣстная, но выводъ, который изъ нея часто дѣлается, а именно, что само знаніе не имѣетъ ровно никакого значенія, не выдерживаетъ никакой критики. Что че-

ловѣкъ можетъ знать, какъ должно вести банковскія дѣла, и можетъ вести ихъ совсѣмъ иначе, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но не менѣе несомнѣнно и то, что для того чтобы класть банковскія деньги въ свой собственный карманъ, надо тоже знать, какъ это дѣлать, стало быть, и этотъ и сотни ему подобныхъ примѣровъ разницы между знаніемъ и дѣйствіемъ, служитъ не возраженіемъ, а, напротивъ, подтвержденіемъ того положенія, что для достиженія цѣли необходимы наличность опредѣленныхъ представленій о цѣли и о средствахъ ея достиженія и опредѣленная координація первыхъ со вторыми. Разъ только мы говоримъ не объ инстинктѣ, а о болѣе или менѣе сознательной дѣятельности, а въ данномъ случаѣ, какъ указано было выше, только о ней и можетъ быть рѣчь,—это положеніе не подлежитъ никакимъ спорамъ. Поэтому существованіе всякой матеріальной или соціальной культуры необходимо предполагаетъ наличность опредѣленныхъ представленій о цѣляхъ и средствахъ ихъ удовлетворенія и опредѣленныхъ координацій тѣхъ и другихъ и въ отдѣльности, и вмѣстѣ взятыхъ. Разъ дана опредѣленная координація представленій, то этимъ самымъ дано главное условіе для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей, и напротивъ, пока не дано такой координаціи, до тѣхъ поръ невозможно и удовлетвореніе этихъ потребностей. Разъ даны современныя научныя представленія объ электричествѣ и о сношеніяхъ между отдаленными мѣстами, и существуетъ потребность въ нихъ, то самое устройство телеграфа есть вещь сравнительно очень легкая; но пока не дано такихъ представленій, это вещь невозможная. Мы можемъ поэтому сказать, что для существованія культуры, какъ совокупности приспособленій къ борьбѣ за жизнь, передаваемыхъ трансляти́внымъ путемъ, и слѣдовательно, неизбѣжно болѣе или менѣе сознательныхъ, необходима наличность опредѣленныхъ представленій, установленіе опредѣленныхъ соотношеній между ними и, наконецъ, необходима наличность извѣстныхъ цѣлей, т. е., опредѣленныхъ желаній, чтобы извѣстныя представленія нашли себѣ осуществленіе въ дѣйствительности. Отвѣтомъ на эти условія и являются различныя отрасли духовной культуры. Образованіе и воплощеніе извѣстныхъ представленій, независимо отъ установленія соотношенія ихъ съ другими представленіями и независимо

БИБЛИО... АКАДЕМИИ.

отъ возбужденія желанія, чтобы извѣстныя представленія нашли себѣ осуществленіе въ дѣйствительности—въ этомъ, мнѣ кажется, и заключается цѣль и значеніе искусства. Несомнѣнно, оно можетъ и пробуждать извѣстныя желанія и вызывать на размышленія, но не въ этомъ сущность искусства, какъ такового. Извѣстное сложное представленіе, неотвязно присутствующее въ умѣ художника, достигнувъ извѣстной степени интенсивнаго напряженія, отливается въ извѣстную форму и въ такомъ видѣ вызываетъ такое же интенсивно-напряженное представленіе въ умѣ другого индивидуума. Цѣль искусства есть впечатлѣніе, а не мысль и не дѣйствіе. Какъ сильный зарядъ психической энергіи, это представленіе можетъ вызвать какъ извѣстныя размышленія, такъ и извѣстныя желанія,—и въ одномъ оно можетъ вызвать одно, а въ другомъ другое, но это есть уже косвенный результатъ, а не прямая непосредственная цѣль искусства. Это положеніе можно было бы гораздо прочнѣе обосновать и полнѣе развить,—но это было бы слишкомъ большимъ уклоненіемъ отъ узкихъ рамокъ моей темы.—Та отрасль духовной культуры, которая имѣетъ цѣлью установленіе опредѣленныхъ соотношеній и связи между представленіями, есть, очевидно, наука. Установленіе координаціи между представленіями о цѣляхъ и средствахъ ихъ удовлетворенія составляетъ задачу, такъ называемыхъ, прикладныхъ знаній и частью прикладного искусства. Наконецъ, возбужденіе въ насъ желаній стремиться къ извѣстнымъ цѣлямъ есть наименѣе опредѣленная, наименѣе связная и наиболѣе случайная отрасль духовной культуры. За эту задачу берется и религія, и философія, и различныя науки, и искусство,—и здѣсь всего менѣе единства. Объясняется это очень просто. Вѣдь, все значеніе культуры, именно, къ тому и сводится, что это есть приспособленіе къ борьбѣ за жизнь, другими словами, культура преслѣдуетъ ту же цѣль, которая составляетъ цѣль всего нашего существованія, именно, жизнь, и она есть не болѣе, какъ результатъ совокупныхъ усилій человѣческаго рода поддержать свою жизнь. Не надо только забывать при этомъ, что жизнь понятіе очень широкое—оно охватываетъ собою не только наши тѣлесныя отправленія, но и всѣ проявленія психической жизни. Такимъ образомъ, казалось бы, цѣль всегда дана самою природою и

задача культуры можетъ быть только въ томъ, чтобы дать средства къ возможно лучшему достиженію этой цѣли. Но въ дѣйствительности это не совсѣмъ такъ, и—въ этомъ, какъ мнѣ кажется, заключается вся тайна развитія и разложенія культуры. Все дѣло въ томъ, что одно изъ могущественнѣйшихъ орудій въ борьбѣ человѣка за жизнь есть соединеніе въ группы, ассоціація съ подобными себѣ индивидами для совмѣстной защиты своей жизни. На этой почвѣ развивается наряду съ заботой о своей индивидуальной жизни забота о поддержаніи жизни всей группы. Одно есть непосредственная, заложенная самою природою, цѣль, другое есть продуктъ первыхъ стадій культурнаго развитія и представляетъ собою болѣе отдаленную отъ насъ цѣль, къ которой мы обыкновенно стремимся приблизительно постольку, поскольку это необходимо для достиженія первой цѣли. Во всякомъ случаѣ, неоспоримый фактъ—тотъ, что получается двойственность цѣлей и коллизія ихъ. И такъ какъ основаніе всей культуры покоится на началѣ ассоціаціи индивидуумовъ, то борьба этихъ двухъ началъ, индивидуальнаго и группового,—проходитъ красною нитью чрезо всю исторію культуры. И нетрудно понять, почему значеніе духовной культуры для всѣхъ совершенно очевидно, пока рѣчь идетъ о наукѣ, какъ о чемъ то безусловно необходимомъ для успѣховъ матеріальной культуры, и отрицается очень многими, какъ только говорятъ о необходимости ея для развитія культуры соціальной. Пока мы остаемся въ области матеріальной культуры, двойственности цѣли нѣтъ. Матеріальная культура непосредственно служитъ удовлетворенію жизненныхъ потребностей, а стремленіе къ ихъ удовлетворенію вложено въ насъ самою природою, стало быть, въ этой области задача духовной культуры, именно, той ея отрасли, которую мы называемъ наукою, заключается лишь въ томъ, чтобы всесторонне ознакомить насъ со средствами, которыя могутъ служить къ удовлетворенію потребностей,—желаніе же воспользоваться этими средствами дано и безъ науки. Благодаря этому, самая непосредственная, самая тѣсная связь и зависимость матеріальной культуры отъ успѣховъ науки—есть общеизвѣстный, очевидный и почти никѣмъ не оспариваемый фактъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, когда рѣчь заходитъ о связи между духовною культурой и соці-

альною. Здѣсь цѣль постоянно двоится. Въ области матеріальной культуры достаточно дать одно знаніе, ибо желаніе и безъ того дано; здѣсь же мало дать знаніе, здѣсь часто не хватаетъ другого столь же важнаго условія—желанія. И въ большинствѣ случаевъ цѣль, которую указываетъ намъ здѣсь знаніе, рѣзко расходится съ тою цѣлью, которая подсказывается намъ желаніемъ. Знаніе почти всегда намъ будетъ говорить, что жизнь индивидуума зависитъ отъ жизни цѣлой группы, что сумма жизненныхъ благъ, выпадающихъ на долю каждаго индивида, будетъ тѣмъ больше, чѣмъ вѣрнѣе обезпечена жизнь всей группы, а жизнь цѣлаго можетъ расти и развиваться въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени лишь тогда, когда усилія всѣхъ членовъ направлены на поддержаніе жизни цѣлаго. Что же касается желанія, то здѣсь отдѣльный индивидъ сплошь да рядомъ будетъ руководствоваться совсѣмъ другимъ принципомъ, сущность котораго выражена въ пословицѣ „своя рубаха ближе къ тѣлу“. Вотъ почему наука, вообще идейная культура, столь могущественный рычагъ, когда дѣло идетъ о подъемѣ матеріальной культуры, становится, повидимому, совершенно безсильна, какъ только вопросъ идетъ о подъемѣ соціальной культуры. Я говорю „повидимому“,—потому что полное отрицаніе значенія идеи, въ смыслѣ знанія, въ этой области культуры, основано, какъ мнѣ кажется, на грубой логической ошибкѣ. Для опредѣленнаго соціальнаго развитія необходима наличность не только опредѣленныхъ знаній, но и опредѣленныхъ желаній, и поскольку знаніе не есть желаніе, постольку идея или наука безсильна пересоздать соціальный строй. Одно знаніе не можетъ этого сдѣлать—это совершенно вѣрно. Но не менѣе вѣрно и то, что для того, чтобы результаты нашихъ дѣйствій соотвѣтствовали цѣли, которой мы желаемъ достигнуть, необходимо, чтобы координація нашихъ представленій о цѣли и о средствахъ ея достиженія соотвѣтствовала дѣйствительности—т. е. для этого необходимо знаніе; это есть не единственный, но одинъ изъ тѣхъ двухъ главныхъ рычаговъ, которыми впередъ или назадъ движется соціальная культура. Это—во-первыхъ. Но отсюда косвенно вытекаетъ и другой капитальный фактъ, именно, тотъ, что знаніе оказываетъ вліяніе и на наше непосредственное желаніе, ибо оно измѣ-

няетъ наши представленія о достижимости или недостижимости нашихъ цѣлей и о средствахъ ихъ достиженія. Если бы англичане осенью 1899 года знали, какое сопротивленіе имъ окажутъ буры, то отъ этого въ значительной степени измѣнились бы ихъ желанія. Это не измѣнило бы ихъ желанія поглотить по возможности всю или, по крайней мѣрѣ, бо́льшую половину Африки, но это измѣнило бы ихъ желаніе начинать войну,—въ этомъ можно быть увѣреннымъ. Рука ли ребенка или взрослаго попадетъ въ петлю, желаніе ихъ обоихъ будетъ одно—выпростать руку, но одинъ очень спокойно раздвинетъ петлю, а другой начнетъ рваться и биться и тѣмъ только хуже будетъ затягивать ее. Точно такъ же, если бы рабочій классъ наканунѣ 1848 г. зналъ, чѣмъ кончится февральская революція и іюньское возстаніе, то его желаніе улучшить условія своего существованія не измѣнились бы отъ этого, но его желаніе начинать борьбу—можно быть увѣреннымъ—рѣзко измѣнилось бы. И примѣры того, какъ, благодаря отсутствію знанія, не только отдѣльныя лица, но и цѣлые классы и даже народы только затягиваютъ того или иного рода петлю, вмѣсто того, чтобы освободиться отъ нея,—примѣры этого мы встрѣчаемъ во множествѣ на каждой страницѣ исторіи.

Вотъ тѣ соображенія, которыя заставляютъ насъ придавать не исключительное, но громадное значеніе идейной культурѣ въ области не только матеріальныхъ успѣховъ, но и соціальнаго развитія.—Едва ли мнѣ нужно прибавлять при этомъ, что, когда я говорю о знаніи и желаніи, то я имѣю въ виду сумму знаній и желаній всѣхъ индивидовъ данной группы, а не знанія и желанія какого-либо отдѣльнаго лица.

Къ области духовной культуры относится и религія, какъ цѣлый строй представленій о Высшемъ Существѣ и его отношеніи къ людямъ.

Наконецъ, четвертый отдѣлъ, быть можетъ, менѣе обширный, нежели предыдущій третій, но въ то же время составляющій основу всего остального, это орудія, средства общенія между индивидами.

Элементарныя приспособленія въ области матеріальной или соціальной культуры могутъ передаваться сравнительно просто. Достаточно увидѣть, какъ другой отбивается палкою

отъ врага или высѣкаетъ огонь изъ кремня для того, чтобы самому сдѣлать то же самое. Но для того, чтобы усвоить умѣніе пользоваться ружьемъ или отбывать какую-нибудь общественную повинность, а тѣмъ болѣе, чтобы усвоить тѣ или иныя представленія, идеи, присутствующія въ умѣ другого человѣка, для этого необходимы особыя орудія, особыя средства передачи. Такимъ средствомъ является языкъ. Это тотъ фундаментъ и въ то же время цементъ, безъ котораго немыслима человѣческая культура.

Это есть орудіе, при помощи котораго въ умѣ одного индивида могутъ образоваться представленія и соотношенія между представленіями, аналогичныя тѣмъ, которыя существуютъ въ умѣ другого индивида. Поэтому можно сказать, что появленіе культуры одновременно съ появленіемъ языка. Культура можетъ существовать только тамъ, гдѣ есть языкъ, а языкъ появляется только тамъ, гдѣ есть зачатки культуры. Намъ очень трудно обнять и ясно представить себѣ всю огромность значенія языка.

Чтобы хоть нѣсколько приблизиться къ оцѣнкѣ этого орудія общенія, представимъ себѣ, напримѣръ, то значеніе, какое имѣетъ въ современной жизни одно изъ ближайшихъ къ намъ культурныхъ пріобрѣтеній того же порядка, положимъ, значеніе телефона въ городѣ. Если мы сравнимъ съ телефономъ телеграфъ, то должны будемъ сказать, что значеніе телеграфа несравненно больше. Но если мы телеграфъ сравнимъ съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, то придется сказать, что это приблизительно все равно, что сравнивать значеніе Москвы-рѣки со значеніемъ какой-нибудь Волги или Дуная. Но въ свою очередь и книгопечатаніе въ сравненіи съ изобрѣтеніемъ письменности такая же ничтожная величина, какъ какая-нибудь Руза, впадающая въ Москву-рѣку, въ сравненіи съ Ниломъ или Амазонкою. Наконецъ, разница въ значеніи письменности и языка еще неизмѣримо громаднѣе, нежели разница между значеніемъ книгопечатанія и письменности. Языкъ есть альфа и омега, начало и конецъ всего культурнаго развитія человѣчества.

Но мнѣ кажется совершенно яснымъ, что языкъ, какъ культурное пріобрѣтеніе, представляетъ собою нѣчто совершенно отдѣльное не только отъ матеріальной и соціальной культуры, но и отъ культуры духовной. Это есть *орудіе пе-*

редачи идейной культуры, являющейся ключомъ къ культурѣ матеріальной и соціальной. И такъ какъ сущность культуры заключается, именно, въ томъ, что она передается не біологическимъ путемъ прямой наслѣдственности, а путемъ общенія между людьми, то языкъ, именно, какъ могущественнѣйшее орудіе, средство такого общенія, и не можетъ не имѣть такого кардинальнаго значенія въ жизни человѣчества. Языкъ, письмо и книгопечатаніе—эти три далеко несоизмѣримыхъ между собою по великости значенія изобрѣтенія или открытія, если только можно подвести подъ эти понятія языкъ,—вмѣстѣ со множествомъ другихъ сравнительно съ ними мелкихъ изобрѣтеній, въ родѣ телеграфа, телефона и т. д., составляютъ совершенно особый отдѣлъ человѣческой культуры. Это великія орудія, средства общенія; смыслъ ихъ въ томъ, что при помощи ихъ мы получаемъ возможность передавать другъ другу всевозможныя культурныя пріобрѣтенія въ борьбѣ за жизнь. Я бы назвалъ этотъ отдѣлъ—коммуникативною культурой.

И если такъ смотрѣть на языкъ и письмо, то совершенно неправильно ставить рядомъ съ письмомъ—счетъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ. Счисленіе есть знаніе, какъ и умѣнье складывать, вычитать, умножать и дѣлить; это есть такая же наука, какъ и вся математика, только наука элементарная, наука въ зачаткѣ. Но ни письмо, ни языкъ не есть наука,—и то и другое есть средство общенія.

Если изложенная точка зрѣнія на культуру дѣйствительно соотвѣтствуетъ тѣмъ реальнымъ отношеніямъ, которыя наблюдаются въ жизни человѣчества, то намъ не трудно будетъ установить и то, что значитъ высшая или низшая культура.

Если культура есть совокупность приспособленій къ жизни, передаваемыхъ тѣмъ особымъ путемъ, который мы назвали транслятивнымъ, то конечное значеніе культуры сводится къ сохраненію и поддержанію жизни, и, стало-быть, высота культуры опредѣляется тѣмъ же мѣриломъ, которымъ измѣряется и совершенство физической организаціи, именно,—тѣмъ, насколько она есть совершенное приспособленіе къ поддержанію и увеличенію жизненной энергіи. Весьма существенная разница лишь въ томъ, что, говоря о совершенствѣ физической организаціи, мы имѣемъ въ виду индивидуума и его прямое потомство—и только; говоря же о вы-

сотѣ культуры, мы по необходимости должны думать не объ отдѣльной особи, но о цѣлой группѣ ихъ, ибо характерное отличіе культурныхъ приспособленій отъ просто біологическихъ въ томъ и заключается, что это есть, такъ сказать, коллективно-групповое приспособленіе въ отличіе отъ индивидуально-потомственнаго біологическаго. Слѣдовательно, высота культуры опредѣляется ея совершенствомъ, какъ приспособленія къ поддержанію и приращенію жизни среди данной общественной группы, другими словами, высота ея опредѣляется, во-первыхъ, количествомъ жизней, которое она даетъ группѣ, и, во-вторыхъ, качествомъ жизни, которое она даетъ каждому члену группы.

Не отвлеченнымъ, а конкретнымъ мѣриломъ высоты культуры служитъ ея жизнеспособность. Въ общемъ, можно было бы сказать, что когда сталкиваются двѣ культуры, то выше та, которая одерживаетъ верхъ. Однако это вѣрно лишь до извѣстной степени. Начать съ того, что культура—понятіе весьма обширное, охватывающее собою безконечное множество самыхъ разнообразныхъ и даже разнородныхъ явленій. Ограничимся даже обычнымъ дѣленіемъ культуры на матеріальную, соціальную и духовную. Несомнѣнно, что между этими тремя вѣтвями существуетъ извѣстное взаимоотношеніе и связь.

Если племя живетъ лишь рыбною ловлей и охотой, то мы можемъ быть увѣрены, что не найдемъ у него ни знакомства съ обработкою стекла, ни сложныхъ соціальныхъ отношеній, ни научныхъ представленій о законахъ паденія тѣлъ или движенія свѣтилъ небесныхъ. Кочевой народъ, навѣрное, не пользуется силою электричества для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ нуждъ и не имѣетъ своихъ теорій о строеніи атомовъ и самостоятельномъ существованіи идей или закономѣрной смѣнѣ формъ правленія и т. д.

То, что между отдѣльными вѣтвями культуры существуетъ нѣкоторое соотношеніе,—фактъ слишкомъ общеизвѣстный для того, чтобы особенно распространяться о немъ. Несомнѣнно, для полнаго уясненія хода развитія человѣческой культуры главнымъ-то образомъ и требуется установленіе этой зависимости и причинъ ея, и, именно, это составляетъ камень преткновенія для однихъ и предметъ великаго соблазна для другихъ.

Въ виду спорности и сложности вопроса я оставляю его въ данномъ случаѣ въ сторонѣ и обращу вниманіе какъ разъ на обратное явленіе, именно, я укажу на то, что въ предѣлахъ этого нѣкотораго общаго соотношенія между различными отдѣлами культуры остается еще очень много простора для всевозможныхъ отклоненій въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, такъ сказать, отъ средней нормы, если даже ее возможно установить.

Что высокое развитіе религіозныхъ воззрѣній можетъ существовать и при сравнительно слабомъ развитіи государственности—возьмемъ для примѣра еврейскій народъ и Римъ; или что высокое развитіе торговли можетъ быть и при низкомъ уровнѣ научнаго развитія, какъ это было, напр., въ Карѳагенѣ; что страна цѣлыми вѣками можетъ пользоваться такимъ въ извѣстномъ смыслѣ высоко-культурнымъ матеріальнымъ приспособленіемъ къ борьбѣ за жизнь, какъ огнестрѣльное оружіе, и въ то же время можетъ стоять несравненно ниже другой страны въ смыслѣ развитія, напримѣръ, науки и искусства — сравнимъ до-петровскую Русь съ Греціей временъ Перикла или Аристотеля,—всѣ эти и десятки подобныхъ имъ фактовъ также слишкомъ общеизвѣстны для того, чтобы требовалось доказывать то положеніе, что различныя отрасли культуры могутъ весьма неравномѣрно развиваться. А разъ это такъ, то вполнѣ понятно, что побѣда одной культуры надъ другой еще не всегда означаетъ общее превосходство первой надъ второю; она можетъ быть выше послѣдней въ какомъ-либо одномъ отношеніи, имѣющемъ особенно важное значеніе при данныхъ условіяхъ ихъ столкновенія, и можетъ оказаться гораздо ниже ея во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Я ограничусь здѣсь этими немногими общими замѣчаніями о сравнительномъ превосходствѣ различныхъ культуръ и ихъ столкновеніи, такъ какъ подробное обсужденіе этого вопроса невозможно безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія отмѣченнаго выше сложнаго вопроса о соотношеніи различныхъ вѣтвей культуры.

И огонь, и топоръ, и ружье, и лодка, и пароходъ, и одежда, и жилище, и соединеніе въ соціальныя группы—это все приспособленія къ борьбѣ за жизнь, не только такія же дѣйствительныя и реальныя, какъ и когти, зубы и

шерсть, но и несравненно болѣе могущественныя, — это фактъ, на мой взглядъ, не подлежащій никакому спору. Такой же не подлежащій спору фактъ и то, что эти приспособленія передаются не путемъ рожденія отъ подобныхъ себѣ индивидовъ, а путемъ общенія съ подобными себѣ индивидами.

Повторяю, ни тотъ, ни другой фактъ не можетъ подлежать спору, но если оба они вѣрны, то неоспоримъ и выводъ изъ нихъ, а именно, что такъ какъ способъ передачи культурныхъ пріобрѣтеній совсѣмъ не тотъ, что біологическихъ признаковъ, то и законы культурнаго развитія рѣзко отличаются отъ законовъ развитія біологическаго.

Основной законъ біологическаго развитія вида тотъ, что изъ множества рождающихся особей выживаютъ особи наиболѣе приспособленныя къ данной средѣ, и, давая отъ себя потомство, онѣ передаютъ ему въ силу наслѣдственности тѣ отличительные признаки, которые сдѣлали данную особь болѣе сильною въ жизни; напротивъ того, особи, менѣе приспособленныя къ жизни, вымираютъ, не давая послѣ себя потомства или давая потомство весьма немногочисленное. Это и есть то, что называется естественнымъ отборомъ.

Таковъ ли основной законъ культурнаго развитія? Безусловно нѣтъ.

Какъ мы видѣли только что, біологическіе признаки, какъ таковые, входятъ въ составъ организаціи особи, и поэтому накопленіе или исчезновеніе ихъ въ какомъ либо видѣ неразрывно связано съ выживаніемъ или вымираніемъ особей, имѣющихъ эти признаки.

То же ли самое наблюдается и въ культурномъ мірѣ? Связано ли неразрывнымъ образомъ накопленіе или исчезновеніе какихъ либо культурныхъ пріобрѣтеній съ выживаніемъ или вымираніемъ особей, отличающихся этими признаками? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ—безусловно нѣтъ.

Сохраненіе или исчезновеніе такихъ приспособленій къ борьбѣ, какъ высѣканіе огня кремнемъ, или умѣніе отливать топоръ изъ бронзы, или изобрѣтеніе компаса, пороха, знакомство съ путемъ въ Америку, изобрѣтеніе ткацкаго станка, паровой машины и безчисленнаго множества другихъ крупныхъ и мелкихъ приспособленій къ борьбѣ за жизнь въ громадномъ большинствѣ случаевъ не стоитъ ни въ какой

связи съ выживаніемъ или вымираніемъ потомства какого нибудь Флавіо Джойо или Колумба или сотенъ другихъ крупныхъ или мелкихъ индивидовъ, сдѣлавшихъ данное открытіе или изобрѣтеніе.

Казалось бы, все это такія избитыя истины, на доказательство которыхъ не стоило бы тратить пороху. И, однако, всѣ эти труизмы, всѣми признаваемые и никѣмъ не отрицаемые порознь, въ отдѣльности, въ конкретной формѣ, будутъ отвергаться очень многими самымъ рѣшительнымъ образомъ, какъ только мы ихъ обобщимъ и выразимъ общее положеніе въ отвлеченной формѣ общаго закона.

Этотъ общій законъ культурнаго развитія человѣчества мы можемъ формулировать такъ: культурныя пріобрѣтенія передаются независимо отъ біологической наслѣдственности, при помощи тѣхъ могущественныхъ орудій общенія, которыми располагаетъ человѣчество, и поэтому культурное развитіе человѣчества совершенно не совпадаетъ съ его біологическимъ развитіемъ. Цѣлый народъ, какъ извѣстный біологическій типъ, можетъ совершенно вымереть, и однако тѣ пріобрѣтенія, которыя составляли отличительные признаки того же самаго народа, какъ культурнаго типа, могутъ сохраниться, и такимъ образомъ тотъ же народъ, какъ культурный типъ, можетъ продолжать свое существованіе.

Если мы спросимъ себя теперь, какіе же признаки, какія пріобрѣтенія играютъ главную роль въ борьбѣ за жизнь человѣчества, по крайней мѣрѣ, въ новое время? — біологическіе признаки или культурныя пріобрѣтенія? тѣ-ли ноги, руки, ногти и зубы, которые пріобрѣтаетъ человѣкъ отъ своихъ родителей, или то ружье, тѣ пушки, тѣ знанія, тѣ соціальныя привычки, которыя онъ пріобрѣтаетъ отъ подобныхъ себѣ индивидовъ путемъ общенія? Отвѣтъ на это, мнѣ думается, можетъ быть только одинъ. Поэтому, когда мы говоримъ о развитіи человѣчества, то доминирующее значеніе будетъ всегда имѣть вопросъ о развитіи культурнаго, но не физическаго типа.

Теперь, уяснивъ себѣ основное различіе, существующее между явленіями біологическаго и культурнаго порядка, и, главное, то коренное различіе, которое существуетъ въ способѣ передачи біологическихъ признаковъ и культурныхъ пріобрѣтеній, намъ не трудно будетъ установить соотношеніе

между различными научными дисциплинами, имѣющими предметомъ изученіе человѣка, и такимъ образомъ точнѣе установить классификацію наукъ о немъ. Выясненіе этого вопроса, мнѣ кажется, съ одной стороны, имѣетъ очень большое научное значеніе, а съ другой еще разъ косвенно подтвердитъ правильность принятой нами основной точки зрѣнія на культуру.

Есть одна наука, которая нерѣдко выражаетъ притязаніе на изученіе человѣка въ цѣломъ, на изученіе не одной какой либо стороны его, а всѣхъ его сторонъ, — это антропологія въ широкомъ смыслѣ слова. Авторы, именно такъ понимающіе эту науку, говорятъ, что мы должны взять человѣка, какъ онъ есть, цѣликомъ, со всей его физической и духовной организаціей и всесторонне изучить это цѣлое. Въ такихъ случаяхъ въ область антропологіи вводятъ и обычаи, и вѣрованія, и общественную организацію, и языкъ, и множество другихъ вопросовъ, которые, мнѣ кажется, не имѣютъ никакого отношенія къ этой наукѣ.

Съ изложенной нами точки зрѣнія на культуру очень нетрудно достаточно ясно и рѣзко отграничить ту область, которая подлежитъ вѣдѣнію антропологіи. Антропологія — это наука, изучающая человѣка съ зоологической точки зрѣнія, и, какъ таковая, она должна изучать совокупность всѣхъ тѣхъ и въ то же время исключительно тѣхъ признаковъ, которые передаются наслѣдственнымъ путемъ. Какъ только мы переходимъ къ изученію признаковъ, передающихся не наслѣдственнымъ путемъ, а путемъ непосредственной трансляціи отъ одной особи къ другой,—антропологія должна признать себя совершенно некомпетентною въ данномъ вопросѣ и уступить мѣсто другой наукѣ — наукѣ о человѣческой культурѣ. Что антропологія, вводящая въ кругъ своего вѣдѣнія транслятивные признаки, вторгается въ чужую область,— этотъ фактъ мнѣ кажется совершенно очевиднымъ и не допускающимъ никакого спора. Это ясно изъ того, что какъ только антропологія заходитъ въ эту чужую область, предметъ ея изученія ускользаетъ изъ подъ ея рукъ, двоится, расползается въ разныя стороны, становится совершенно неуловимымъ. Пока мы говоримъ о такихъ признакахъ, положимъ, негра, которые передаются наслѣдственнымъ путемъ, предметъ нашего изученія вполнѣ опредѣленъ. Мы найдемъ

ихъ у негра и въ Африкѣ, и въ Европѣ, и въ Америкѣ. Но какъ только мы затронемъ вопросъ о языкѣ негровъ или ихъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ и т. д., объектъ нашего изученія уходитъ изъ подъ нашихъ рукъ. Если мы заговоримъ, напр., о неграхъ, болѣе или менѣе обамериканившихся, то, говоря объ ихъ языкѣ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ и т. д., мы въ сущности будемъ говорить не о неграхъ, а объ американцахъ Соединенныхъ Штатовъ. Если психическая организація расъ есть такой же опредѣленный и устойчивый признакъ, какъ и ихъ физическая организація,—то прекрасно, мы введемъ и ее въ кругъ вѣдѣнія антропологіи, но сперва надо доказать, что это такъ. Расхожденіе понятій расы въ антропологическомъ и въ историческомъ смыслѣ слова давно отмѣчено антропологами, но оно, какъ мнѣ кажется, недостаточно объяснено и непослѣдовательно проведено, что и ведетъ къ очень большой путаницѣ въ разграниченіи сферъ вѣдѣнія различныхъ научныхъ дисциплинъ.

Послѣ того, какъ мы выдѣлили антропологамъ совокупность тѣхъ признаковъ, которые передаются наслѣдственнымъ путемъ, у насъ остается еще обширное поле изученія фактовъ совсѣмъ другого порядка. Это совокупность тѣхъ приспособленій къ жизни, которыя передаются путемъ непосредственной трансляціи,—это и есть область вѣдѣнія науки о культурѣ. Тогда мы получимъ вполнѣ опредѣленный кругъ явленій, подчиненныхъ своимъ спеціальнымъ законамъ, имѣющимъ очень мало общаго съ законами и дѣленіями біологическими и антропологическими. Наука о культурѣ должна опираться непосредственнымъ образомъ не столько на біологію, сколько на психологію, какъ науку о проявленіяхъ функцій того органа или тѣхъ органовъ, которые единственно и дѣлаютъ возможною трансляцію признаковъ.

Среди общей группы явленій культурнаго порядка мы должны будемъ выдѣлить спеціальную группу, подчиненную своимъ болѣе спеціальнымъ законамъ — это группа соціальныхъ явленій, которая и должна составить предметъ соціологіи. И, именно, въ томъ, что отъ біологіи и психологіи хотятъ прямо перескочить къ соціологіи, я и вижу одну изъ главныхъ причинъ неудачи большинства современныхъ соціологическихъ построеній. Мы должны прежде выяснить, каковы общіе законы культурнаго развитія, и только тогда

мы сможемъ понять и одну спеціальную, болѣе сложную форму культурнаго развитія,—именно, развитія соціальнаго. Хотя едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что если мы, подобно Тарду, будемъ и всю соціологію объяснять законами подражанія, а не законами столкновенія интересовъ и групповой борьбы за жизнь, то насъ постигнетъ такая же неудача.

Наряду съ указанными выше двумя болѣе или менѣе рѣзко отграниченными другъ отъ друга научными дисциплинами — антропологіей и наукою о культурѣ, мы, быть можетъ, не должны совершенно отрицать смѣшанныхъ дисциплинъ, какъ, такъ называемое, народовѣдѣніе или же этнографія, имѣющія своимъ предметомъ двустороннее, какъ естественно-историческое, такъ и культурное описаніе различныхъ человѣческихъ группъ. Существованіе подобныхъ смѣшанныхъ дисциплинъ, быть можетъ, отчасти оправдывается цѣлями собиранія матеріала или общаго знакомства съ нимъ, а до извѣстной степени, быть можетъ, и нѣкоторою, хотя, несомнѣнно, весьма мало опредѣленною и весьма общею связью, преимущественно на низшихъ ступеняхъ развитія, между общимъ культурнымъ развитіемъ существующихъ племенъ и общими антропологическими дѣленіями.

Но если даже мы и сохранимъ временно эти дисциплины, мы должны твердо помнить, что матеріалъ, съ которымъ мы будемъ имѣть здѣсь дѣло, будетъ самый разнородный, самый разношерстный, и что здѣсь тщетны всякія попытки дать какую либо раціональную классификацію и сколько нибудь послѣдовательныя дѣленія.

II. Что такое геніальность съ точки зрѣнія развитія культуры?

Центръ тяжести моего доклада лежитъ въ выясненіи того, что̀ такое культура, и въ указаніи на то, что основной законъ ея развитія рѣзко расходится съ однимъ изъ основныхъ законовъ развитія біологическаго, и я могъ бы на вышеизложенномъ и закончить свое сообщеніе. Но мнѣ казалось вполнѣ цѣлесообразнымъ присоединить сюда разсмотрѣніе вопроса и о томъ, что такое геніальность. Разобравъ этотъ вопросъ, мы, съ одной стороны, еще дальше сможемъ провести сравненіе съ біологическимъ міромъ, а главное въ этомъ своеобразномъ явленіи найдемъ новое подтвержденіе установленной нами точкѣ зрѣнія на культуру. Въ то же время мы сможемъ, какъ мнѣ кажется, получить довольно ясный и вмѣстѣ съ тѣмъ очень простой, хотя и не совсѣмъ полный отвѣтъ на одинъ изъ самыхъ сложныхъ и спорныхъ вопросовъ соціологіи. Вотъ тѣ соображенія, которыя побудили меня соединить въ одномъ сообщеніи обсужденіе этихъ двухъ вопросовъ. Хотя я заранѣе долженъ предупредить, что нижеслѣдующія замѣчанія носятъ гораздо болѣе условный характеръ и далеко не исчерпываютъ всего вопроса о геніальности. Что такое геніальность, на это мы получимъ отвѣтъ; но чтобы исчерпать вопросъ, намъ необходимо было бы выяснить и то, каково значеніе геніальности въ развитіи культуры. По этому поводу мы сможемъ высказать лишь нѣсколько соображеній, но не дать положительное и всестороннее рѣшеніе вопроса. Замѣчу мимоходомъ, что и здѣсь мы могли бы найти цѣлый рядъ совершенно вѣрныхъ замѣчаній у Тарда, но и здѣсь они сплетены у него съ его общею философскою системою и вытекающими изъ нея весьма спорными положеніями.

Для отвѣта на заданный нами вопросъ снова обратимся къ тому міру, гдѣ отношенія проще, нагляднѣе и понятнѣе:— начнемъ съ біологіи.

Говоря о господствѣ закона наслѣдственности въ біологическомъ мірѣ и о той роли, которую она играетъ въ развитіи біологическихъ типовъ, намъ косвенно, мимоходомъ, всякій разъ приходилось затрагивать или по крайней мѣрѣ упоминать и о другомъ основномъ фактѣ біологической эволюціи, о существованіи индивидуальныхъ уклоненій отъ господствующаго типа. Фактъ заключается въ томъ, что ни одна особь никогда не бываетъ математически тожественна со своими родителями. Каждая особь имѣетъ свои индивидуальныя черты, присущія ей одной и не существующія у другихъ особей того же біологическаго типа. И только наличность этихъ индивидуальныхъ признаковъ и дѣлаетъ возможною эволюцію біологическаго типа. Для того, чтобы здѣсь возможно было въ какомъ нибудь направленіи движеніе впередъ, необходимо, чтобы среди особей даннаго вида явились одна или нѣсколько особей, характеризующихся какимъ либо такимъ признакомъ, котораго нѣтъ у остальныхъ особей, и который оказывается полезнымъ животному или растенію въ борьбѣ за жизнь, который дѣлаетъ его болѣе приспособленнымъ къ условіямъ данной среды. Создавая такимъ образомъ данному животному или растенію перевѣсъ надъ другими особями въ борьбѣ за существованіе, этотъ признакъ, въ силу общаго закона наслѣдственности, имѣетъ тенденцію передаваться по наслѣдству и такимъ образомъ закрѣпляться. Наслѣдственность и наличность индивидуальныхъ отклоненій— эти два, повидимому, противоположныхъ другъ другу факта— суть тѣ двѣ силы, которыя при условіи борьбы за жизнь и приводятъ къ эволюціи біологическихъ типовъ. При отсутствіи такихъ индивидуальныхъ отклоненій эта эволюція такъ же невозможна, какъ и при отсутствіи закона наслѣдственности.

Мы совершенно оставляемъ пока въ сторонѣ спорный вопросъ о происхожденіи, о причинѣ существованія подобныхъ отклоненій отъ господствующаго типа. Мы беремъ фактъ, какъ фактъ, но не какъ слѣдствіе другихъ фактовъ. Отклоненія эти въ одномъ случаѣ могутъ быть вредны для особи, и тогда они не имѣютъ шансовъ закрѣпиться; въ другомъ

случаѣ они могутъ оказаться полезны и имѣютъ поэтому шансы на то, что они будутъ переданы потомству. А такъ какъ подобныя индивидуальныя отклоненія существуютъ и въ каждомъ изъ слѣдующихъ поколѣній, то они, все болѣе и болѣе накопляясь и закрѣпляясь, постепенно поведутъ, благодаря вытекающему отсюда такъ называемому расхожденію признаковъ, къ образованію новыхъ видовъ. Отклоненія могутъ быть различны не только по качеству, но и по количеству, — могутъ быть не только вредны или полезны, но и велики или малы. Само собою понятно, что чѣмъ значительнѣе будутъ отклоненія въ развитіи даннаго полезнаго признака, тѣмъ быстрѣе будетъ совершаться развитіе новаго типа.—Вотъ тѣ основные факты, съ которыми приходится считаться біологіи.

Но что же мы называемъ геніальностью, какъ не подобныя же рѣзкія индивидуальныя отклоненія отъ средней нормы, встрѣчающіяся въ сферѣ культурнаго развитія?

Что обладаніе приспособленіями культурнаго порядка допускаетъ такія же индивидуальныя отклоненія отъ средней нормы, какъ и обладаніе біологическими признаками, и что эти отклоненія не только возможны или допустимы, но и въ дѣйствительности составляютъ такой же универсальный фактъ, какъ и въ біологіи,—это едва ли можетъ подлежать спору.

Одинъ дикарь можетъ взять глины изъ одной ямы, а другой изъ другой, и у одного горшки выйдутъ крѣпкіе, а у другого хрупкіе. Одинъ можетъ взять на приготовленіе пряжи ленъ, а другой можетъ попробовать взять коноплю. Старѣйшина одного рода можетъ быть очень распорядителенъ и уменъ и можетъ придать сильную организацію подчиненной ему группѣ, другой можетъ быть вялъ и слабъ. Одинъ человѣкъ можетъ обладать феноменальными интеллектуальными способностями и можетъ дать человѣчеству то, что далъ Фарадей или Ньютонъ, а другой можетъ оказаться идіотомъ. Сотни и тысячи подобныхъ и аналогичныхъ фактовъ изъ самыхъ разнообразныхъ областей культуры слишкомъ хорошо знакомы намъ всѣмъ для того, чтобы требовалось особенно развивать эту истину.

Существованіе такихъ отклоненій, какъ въ біологическомъ, такъ и въ культурномъ мірѣ, мнѣ кажется, есть фактъ,

не только не подлежащій сомнѣнію, но и безусловно неизбѣжный. Мы должны были бы удивляться не тому, что этотъ фактъ встрѣчается, а тому, если бы онъ отсутствовалъ.

Въ томъ, что есть люди, которые проживаютъ всего нѣсколько мгновеній послѣ рожденія, а есть и такіе, которые проживаютъ 120 и даже 150 лѣтъ, и въ томъ, что на ряду съ лилипутами существуютъ великаны, на ряду со слѣпыми существуютъ люди, простымъ глазомъ различающіе затменіе спутника Юпитера, а на ряду съ идіотами существуютъ Аристотели и Ньютоны,—во всемъ этомъ такъ же мало удивительнаго, какъ и въ томъ, что если человѣкъ съ высокой горы скатываетъ камни внизъ, то среди множества камней, останавливающихся приблизительно въ одной полосѣ у подошвы горы, выдаются такіе камни, которые, сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, попадаютъ куда нибудь въ яму или въ кустъ и тамъ застрѣваютъ, а на ряду съ ними выдаются и такіе, которые на громадное разстояніе откатываются отъ той полосы, въ которую попадаетъ большинство камней.

Гора, склонъ, камень, бросающая рука,—все это средніе общіе факторы; но склонъ не всюду вполнѣ одинаковъ, не всѣ камни имѣютъ одинаковую форму, и сила размаха руки не всегда можетъ быть математически тожественна,—во всемъ этомъ не только бываютъ, но и безусловно неизбѣжны отклоненія отъ средней величины.

Точно такъ же и каждое живое существо есть продуктъ не только тѣхъ общихъ условій, въ которыхъ находятся всѣ особи данной группы, но и множества тѣхъ частныхъ индивидуальныхъ условій, среди которыхъ развивается данный индивидъ. И разъ существуютъ эти частныя индивидуальныя отклоненія въ тѣхъ условіяхъ, продуктомъ которыхъ является индивидуумъ, то было бы совершенно непонятно, если бы не существовало этихъ индивидуальныхъ отклоненій и въ результатѣ ихъ совокупнаго дѣйствія. Такимъ образомъ самая наличность этихъ отклоненій есть, повторяю, и фактически постоянный, и логически неизбѣжный фактъ.

Родители, развитіе, жизнь, среда, впечатлѣнія—вообще всѣ члены той чрезвычайно разнообразной и мало выясненной суммы условій, которыя создаютъ человѣка,—всѣ они, и порознь и вмѣстѣ взятые, подвержены колебаніямъ, поэтому имъ подверженъ и ихъ продуктъ, человѣкъ.

Подъ геніальностью мы понимаемъ очевидно, именно, нѣчто такое изъ ряда вонъ выходящее, необычайное, феноменальное, такое уклоненіе отъ средней нормы, которое встрѣчается очень рѣдко, и притомъ уклоненіе не въ отрицательномъ, а въ положительномъ смыслѣ, не въ смыслѣ недостатка, а, напротивъ, избытка какого либо признака или свойства. Но исходя изъ принятаго нами разграниченія между біологическими и культурными приспособленіями къ борьбѣ за жизнь, спросимъ себя прямо: всякія ли отклоненія отъ средней нормы мы называемъ геніальностью, безразлично, будутъ ли то признаки біологическаго или культурнаго порядка? Мнѣ кажется, на это можно не обинуясь отвѣтить, что признаковъ чисто біологическихъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ культурному развитію, мы никогда не называемъ геніальностью. Ни великановъ, ни атлетовъ, ни красавцевъ или красавицъ мы не называемъ геніями. Мы называемъ геніями лишь тѣхъ людей, которые дали обществу что либо великое въ области матеріальной, соціальной или духовной культуры. Если человѣкъ сдѣлалъ какое либо замѣчательное изобрѣтеніе въ области матеріальной культуры, которое можетъ служить очень важнымъ приспособленіемъ къ борьбѣ за жизнь, или если онъ придалъ группѣ такую организацію, которая оказала значительное вліяніе на ея дальнѣйшее развитіе и жизнь, если онъ, наконецъ, былъ основателемъ новой религіи, авторомъ произведенія искусства или замѣчательнаго научнаго открытія, вообще виновникомъ чего-либо такого въ области матеріальной, соціальной или духовной культуры, что непосильно огромному большинству остальныхъ индивидовъ данной группы, то мы называемъ такого человѣка великимъ или геніальнымъ. При этомъ мы дѣлаемъ нѣкоторое различіе между тѣмъ, что въ дѣйствительности дано геніемъ, и тѣмъ, что онъ могъ бы или что онъ можетъ дать. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда мы имѣемъ въ виду преимущественно результаты дѣятельности, то мы говоримъ о великихъ людяхъ, во второмъ случаѣ, когда мы обращаемъ вниманіе не столько на результаты, сколько на способность создать что либо великое, то мы говоримъ обыкновенно о геніальности, о геніяхъ. Въ одномъ случаѣ на первомъ планѣ стоитъ фактъ, въ другомъ—возможность. Въ общемъ мы можемъ держаться

этого различія, но проводить его особенно послѣдовательно и строго было бы излишнимъ педантизмомъ съ нашей стороны, и поэтому мы будемъ употреблять эти слова въ большинствѣ случаевъ какъ понятія тожественныя.

Но это различіе между дѣйствительнымъ результатомъ дѣятельности и возможностью служить намекомъ на весьма важный фактъ, который необходимо имѣть въ виду для пониманія того, что такое геніальность. Дѣло въ томъ, что всякое великое культурное пріобрѣтеніе, какъ извѣстное приспособленіе къ борьбѣ за жизнь, заключается не въ измѣненіи нашей организаціи, а либо въ приспособленіи внѣшнихъ объектовъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей, либо въ усовершенствованіи общественной организаціи, либо въ установленіи опредѣленной координаціи представленій, съ одной стороны, о цѣли, съ другой—о средствахъ ея достиженія. Иногда это великое культурное пріобрѣтеніе можетъ быть результатомъ простого случая, иногда же оно можетъ быть результатомъ творческихъ способностей даннаго индивидуума. Подъ творческою способностью я понимаю, именно, способность создавать на основаніи тѣхъ комбинацій представленій, которыя даны намъ дѣйствительностью, такія новыя комбинаціи ихъ, которыя не даны намъ дѣйствительностью. Извѣстная способность создавать свои собственныя комбинаціи представленій принадлежитъ всякому человѣку, какъ разумному существу, но эта способность, какъ и всякая другая способность, какъ и всякій другой признакъ, допускаетъ весьма значительныя колебанія.

Изъ ряда вонъ выходящій избытокъ такой творческой способности мы и называемъ геніальностью.

Если какое либо великое культурное пріобрѣтеніе есть результатъ такой творческой способности, то виновника его мы и назовемъ геніемъ. Если же оно есть результатъ случая, т. е. если оно явилось лишь слѣдствіемъ извѣстнаго сочетанія условій, независимаго отъ способностей даннаго лица, то мы назовемъ данное пріобрѣтеніе великимъ, виновника его мы часто относимъ къ числу великихъ людей, но геніемъ мы его обыкновенно не называемъ, хотя, повторяю, такое разграниченіе и не всегда достаточно послѣдовательно проводится и нѣтъ необходимости особенно строго его держаться.

Изъ сказаннаго не трудно видѣть, что геніальность есть признакъ на половину біологическаго, на половину культурнаго характера. Поскольку это есть феноменальная прирожденная способность, это есть признакъ біологическій, входящій въ составъ нашей организаціи и до извѣстныхъ предѣловъ способный передаваться въ силу наслѣдственности. Но не менѣе очевидно и то, что развитіе геніальности возможно лишь въ томъ случаѣ, когда данный индивидуумъ растетъ въ культурной средѣ и развивается подъ ея вліяніемъ. Какъ бы ни былъ геніаленъ ребенокъ по своей природной организаціи, если онъ будетъ расти на какомъ нибудь необитаемомъ островѣ подъ присмотромъ какой нибудь глухонѣмой кормилицы, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что изъ него выйдетъ не геній, а идіотъ или полуидіотъ.

Но геніальность есть явленіе двустороннее, біолого-культурное, не только по своему происхожденію, но и по своему значенію. Съ одной стороны, это есть выраженіе рѣзко уклоняющейся отъ средней нормы организаціи, и, стало быть, она въ извѣстной мѣрѣ можетъ передаваться потомству путемъ обычной наслѣдственной передачи, съ другой стороны, это есть творческая способность, результатомъ которой можетъ быть то или иное крупное культурное пріобрѣтеніе, которое можетъ передаваться другимъ особямъ тѣмъ путемъ, которымъ передаются вообще всѣ культурныя приспособленія къ борьбѣ за жизнь, т. е. путемъ трансляціи. И несомнѣнно, именно, эту культурную сторону мы и имѣемъ преимущественно въ виду всегда, когда говоримъ о геніальности. И если геніальность вообще имѣетъ какое-либо значеніе, то заключается оно, конечно, не въ усовершенствованіи породы, а именно, въ культурныхъ пріобрѣтеніяхъ, такъ какъ геній не перестаетъ быть геніемъ отъ того, что у него даже совсѣмъ нѣтъ потомства.

Если мы обратимся теперь къ историческимъ фактамъ и спросимъ себя, какъ въ дѣйствительности совершалось культурное развитіе, то мы найдемъ здѣсь лишь новое вящее подтвержденіе правильности установленнаго нами разграниченія между явленіями культурнаго и біологическаго порядка.

Мы остановимся на тѣхъ областяхъ культуры, гдѣ отношенія, какъ мы видѣли, проще, именно, на тѣхъ областяхъ,

гдѣ нѣтъ двойственности цѣлей, гдѣ все дѣло заключается въ координаціи движеній или представленій,—возьмемъ матеріальную культуру и тотъ отдѣлъ духовной культуры, который касается внѣшняго міра, и оставимъ въ сторонѣ соціальную культуру, гдѣ на первый планъ выступаетъ различіе въ желаніи, въ цѣляхъ, а также соотвѣтствующую часть духовной культуры. И я думаю, что меня не обвинятъ въ большой неточности, если я для краткости въ большинствѣ случаевъ буду называть просто идеей то, что даетъ новаго геній.

Какъ совершается движеніе въ области матеріальной культуры или въ наукѣ о природѣ?

На это мы можемъ прямо отвѣтить, что исторія сколько нибудь крупныхъ научныхъ и матеріальныхъ открытій и изобрѣтеній неразрывно связана съ исторіей, такъ называемыхъ, великихъ людей или геніевъ. Всякій сколько нибудь крупный шагъ впередъ, всякое сколько нибудь крупное матеріальное или научное открытіе дѣлается однимъ или немногими. А какъ только оно сдѣлано однимъ, оно очень быстро дѣлается достояніемъ всѣхъ или многихъ. Въ этомъ явленіи очень рельефно выступаетъ какъ сходство, такъ и различіе между біологическимъ и культурнымъ развитіемъ. И здѣсь и тамъ новыя приспособленія появляются не у всѣхъ заразъ, а лишь у сравнительно немногихъ, исключительныхъ, мы могли бы сказать, геніальныхъ особей; но въ томъ способѣ, какимъ эти новые признаки становятся достояніемъ всей группы, сказывается глубокое различіе между ходомъ біологическаго и культурнаго развитія. Въ то время, какъ новыя приспособленія въ біологическомъ мірѣ передаются лишь прямому потомству, въ области культуры эти новыя приспособленія къ жизни передаются путемъ трансляціи. Мы всѣ пользуемся печатными книгами, телеграфами и желѣзными дорогами, мы всѣ говоримъ о вращеніи земли вокругъ солнца и о всемірномъ тяготѣніи, но едва ли кто либо изъ насъ можетъ назвать въ числѣ своихъ предковъ Гутенберга, Морзе и Стефенсона или Коперника и Ньютона.

Если правильна установленная нами точка зрѣнія на культуру и геніальность, то и значеніе послѣдней прежде всего обусловливается законами культурнаго развитія. Въ такомъ случаѣ вопросъ о геніальности сводится въ сущности къ

двумъ слѣдующимъ вопросамъ: во-первыхъ, насколько сильно могутъ уклониться способности генія отъ средней нормы и, во-вторыхъ, въ какихъ размѣрахъ возможно воздѣйствіе его на толпу, т. е. на остальную массу индивидовъ той же группы. На первый вопросъ, мнѣ кажется, отвѣтить сравнительно не трудно: мы прямо можемъ сказать, что хотя уклоненія въ общемъ находятся въ тѣсной зависимости отъ средняго уровня той или иной способности среди данной группы, однако они могутъ быть настолько значительны, что становится невозможнымъ воздѣйствіе генія на толпу, ибо становится невозможнымъ усвоеніе ею того, что вырабатывается геніемъ. Можно указать не одинъ примѣръ того, что мысли выдающагося человѣка остались совершенно непонятыми современниками и потому не оказали на нихъ никакого вліянія и были оцѣнены лишь цѣлыми вѣками позже.

Гораздо труднѣе и сложнѣе второй вопросъ. Чтобы яснѣе представить себѣ предметъ, еще разъ обратимся къ біологіи. Для того, чтобы въ біологическомъ мірѣ признакъ, характеризующій данную особь, сдѣлался господствующимъ среди даннаго типа, необходимы два главнѣйшихъ условія: во-первыхъ, чтобы этотъ признакъ могъ быть переданъ потомству въ силу закона наслѣдственности, во-вторыхъ, чтобы этотъ призракъ давалъ особи перевѣсъ надъ другими въ борьбѣ за жизнь. Въ культурномъ мірѣ условія другія и при томъ болѣе сложныя. Для того, чтобы данное культурное пріобрѣтеніе стало достояніемъ какой-либо болѣе значительной группы, необходимо, во-первыхъ, чтобы оно могло быть усвоено другими индивидуумами, во-вторыхъ, чтобы эти индивидуумы нашли его подходящимъ для жизни и, наконецъ, въ-третьихъ, чтобы оно, дѣйствительно, оказалось полезнымъ, а не вреднымъ приспособленіемъ къ борьбѣ за жизнь.

Указаніемъ на первое условіе очень просто и естественно рѣшается цѣлый рядъ контроверзъ, связанныхъ съ вопросомъ о вліяніи великихъ людей на исторію. Разстояніе между геніемъ и толпою можетъ быть громадно, но оказать вліяніе на толпу геній можетъ лишь постольку, поскольку его идея можетъ быть усвоена толпою. А для усвоенія всякой идеи необходимо извѣстное культурное развитіе. Перескочить отъ четырехъ правилъ ариѳметики прямо къ пиѳа-

горовой теоремѣ или къ тригонометрическому рѣшенію треугольниковъ такъ же невозможно, какъ и перескочить отъ представленія о лѣшихъ и русалкахъ къ ученію Спинозы о Богѣ. И поэтому геній не можетъ создать скачка въ исторіи. Это первое, основное, хотя по существу лишь ограничительное положеніе относительно значенія геніальности въ развитіи культуры. Самъ геній можетъ уйти очень далеко въ томъ или иномъ направленіи, но толпа можетъ сдѣлать лишь такой шагъ, который доступенъ среднему индивидууму.

Таковъ первый капитальный фактъ. Но нельзя не указать на ту логическую ошибку, которую дѣлаютъ обыкновенно, исходя изъ этого факта. Обыкновенно намъ говорятъ: если мы изучаемъ какой нибудь отдѣльный историческій моментъ, то передъ нами на первый планъ выступаетъ дѣятельность великихъ людей, но если мы посмотримъ на жизнь какого либо народа въ цѣломъ, то она представится намъ въ видѣ чего то непрерывно и правильно развивающагося. Стало быть, говорятъ намъ, геній не въ силахъ повернуть колеса исторіи. При этомъ обыкновенно прибавляютъ, что великіе люди могутъ нѣсколько ускорить или замедлить извѣстный переворотъ, но не измѣнить ходъ исторіи. Мнѣ кажется, что указанный нами фактъ совершенно не даетъ намъ права устанавливать какого-либо подобнаго положенія. Значеніе этого факта ограничительное, а не отрицательное, а это не все равно. Прежде всего, можно быть увѣреннымъ въ томъ, что если можно замедлить или ускорить ходъ исторіи, то можно и измѣнить его. Выражаясь языкомъ механики, вопросъ вовсе не въ направленіи движенія, а въ соотношеніи между количествами живой силы, заключающейся въ двухъ сталкивающихся тѣлахъ. Если количество развиваемой однимъ тѣломъ живой силы настолько значительно, что при столкновеніи съ другимъ тѣломъ оно можетъ ускорить или замедлить его движеніе, то оно необходимо измѣнитъ самое направленіе его движенія, если столкнется съ нимъ подъ угломъ; и ускореніе, полученное вторымъ тѣломъ, въ обоихъ случаяхъ будетъ выражаться, независимо отъ направленія движенія, математически тожественною величиною—количествомъ живой силы перваго тѣла, дѣленнымъ на сумму массъ обоихъ. Точно такъ же и въ

вопросѣ о вліяніи геніальности суть дѣла заключается не въ направленіи, а въ соотношеніи между величиною той силы, которую мы называемъ толпою, и той силы, которую мы называемъ геніемъ. Если мы предположимъ, что геній есть величина настолько большая, что она можетъ ускорить или замедлить движеніе толпы, то у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ для того, чтобы утверждать, что онъ можетъ ускорить или замедлить, но не измѣнить его. Во всякомъ случаѣ для подобнаго утвержденія надо имѣть какія нибудь очень и очень вѣскія данныя. Въ дѣйствительности же такой взглядъ основанъ на весьма популярномъ, но совершенно произвольномъ утвержденіи, что развитіе общества можетъ совершаться только такъ, какъ оно совершается.

Намъ говорятъ, что развитіе всякаго общества есть нѣчто закономѣрное, а не случайное, и поэтому — одно изъ двухъ: либо геній есть также явленіе закономѣрное, вытекающее изъ силъ, присутствующихъ въ самомъ обществѣ, и, стало быть, онъ есть продуктъ общественнаго развитія, а не его причина; либо геній есть явленіе случайное, и въ такомъ случаѣ онъ не можетъ измѣнить тѣхъ законовъ, которымъ подчинено развитіе общества.

Чтобы найти ту логическую ошибку, которая заключается во всѣхъ подобнаго рода разсужденіяхъ, необходимо остановиться на выясненіи того, что такое случай и закономѣрность или необходимость. Этотъ вопросъ, какъ мнѣ кажется, стоитъ въ самой тѣсной связи съ вопросомъ о геніальности.

Случай и необходимость понятія относительныя. Каждое событіе, каждый фактъ есть слѣдствіе опредѣленныхъ предшествующихъ условій. Но при изученіи явленій, въ особенности сложныхъ, мы рѣдко принимаемъ во вниманіе всю совокупность крупныхъ и мелкихъ условій, могущихъ оказать вліяніе на данный фактъ. Обыкновенно мы ограничиваемся тѣмъ, что принимаемъ во вниманіе лишь нѣсколько категорій условій и оставляемъ въ сторонѣ цѣлый рядъ другихъ. Если какое-либо данное слѣдствіе вытекаетъ изъ тѣхъ условій, которыя мы принимаемъ въ расчетъ, то это слѣдствіе мы назовемъ необходимымъ, а самыя условія законами, которымъ подчинено данное явленіе. Если же оно вытекаетъ изъ какихъ-либо такихъ причинъ, которыя нами

не приняты въ расчетъ, то мы назовемъ его случаемъ. Если бы можно было принять въ расчетъ всѣ безконечно разнообразныя и многочисленныя условія, которыя могутъ оказать вліяніе на каждый данный фактъ, то мы сказали бы, что возможно только то, что есть. Но не говоря о томъ, что невозможно знать всѣхъ безъ исключенія условій, могущихъ оказать вліяніе на данное событіе, наука въ большинствѣ случаевъ и не ставитъ себѣ цѣлью изученія каждаго явленія въ отдѣльности, она изучаетъ если не исключительно, то по преимуществу лишь общія явленія, оставляя въ сторонѣ разсмотрѣніе всѣхъ возможныхъ безконечно разнообразныхъ отклоненій отъ этого общаго, такъ сказать, нормальнаго случая.

Когда въ орлянкѣ бросаютъ монету, и она падаетъ въ одномъ случаѣ орломъ, а въ другомъ рѣшеткою вверхъ, то это—случай, потому что это прямо не вытекаетъ изъ существованія двухъ сторонъ въ монетѣ и изъ силы бросающей руки,—т.-е. тѣхъ двухъ общихъ условій, которыя намъ одни только и извѣстны, а зависитъ отъ мельчайшихъ подробностей положенія пальцевъ, сопротивленія воздуха, неровностей пола, неправильностей монеты и безчисленнаго множества другихъ чрезвычайно мелкихъ условій, совершенно не поддающихся никакому даже самому общему, самому приблизительному учету.

И такъ какъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ нашему изученію доступны лишь главныя общія группы условій, но не вся ихъ совокупность и не данное единственное въ своемъ родѣ сочетаніе ихъ, то понятіе случая и случайности есть такое же правомѣрное научное понятіе, какъ и понятіе закона.

Изъ такого неяснаго пониманія того, что такое законъ и что такое случай, вытекаетъ весьма распространенное не только въ публикѣ, но и въ ученомъ мірѣ самое антинаучное смѣшеніе понятій закона явленій и однообразія ихъ. Обыкновенно думаютъ, что если явленія подчинены однимъ общимъ законамъ, то они должны быть однородны или однообразны.—Особенно часто приходится сталкиваться съ подобнымъ недоразумѣніемъ, когда рѣчь заходитъ о такъ называемыхъ „міровыхъ“ законахъ, а между тѣмъ именно здѣсь всего меньше и можетъ быть рѣчи о какомъ-либо

единообразіи. Ибо чѣмъ болѣе частные законы принимаемъ мы во вниманіе при разсмотрѣніи какой-либо группы явленій, тѣмъ больше исчерпываемъ мы ту совокупность условій, отъ которой зависитъ данное явленіе, и напротивъ того, чѣмъ болѣе общи тѣ законы, которые мы принимаемъ во вниманіе, тѣмъ, значитъ, больше откинули мы частныхъ условій, и, стало-быть, тѣмъ больше должны мы ожидать разнообразія въ явленіяхъ.

Развитіе всего біологическаго міра подчинено господству двухъ подобныхъ міровыхъ законовъ — наслѣдственности и борьбы за существованіе. Но значитъ ли это, что въ біологіи нѣтъ случая или нѣтъ разнообразія. Ничуть не бывало. Случай есть такой же всемогущій факторъ въ біологіи, какъ и эти два закона, а большее разнообразіе нежели то, какое мы видимъ въ мірѣ растеній и животныхъ, едва ли и придумать можно было. Вотъ это неясное пониманіе того, что такое законъ и что такое случай и ненаучное смѣшеніе понятій закона и однообразія явленій, мнѣ кажется, оказало очень большое и притомъ вредное вліяніе на современныя соціологическія воззрѣнія на геніальность.

Намъ говорятъ: развитіе всѣхъ обществъ подчинено однимъ и тѣмъ же общимъ законамъ, — и противъ этого спорить невозможно,—и продолжаютъ приблизительно такъ: слѣдовательно, всѣ общества должны проходить одни и тѣ же стадіи развитія, или всѣ они развиваются по одному общему типу. Дѣлая такой выводъ изъ такой посылки, мнѣ кажется, дѣлаютъ самый непозволительный скачекъ мысли. Изъ единства видовъ и господства во всемъ біологическомъ мірѣ двухъ основныхъ законовъ отнюдь не вытекаетъ, что лягушка должна быть похожа на лошадь, а тараканъ на птицу. Подчиненіе закону не значитъ однообразіе, и господство закона не исключаетъ господства случая, т.-е. такой комбинаціи условій, которая не вытекаетъ изъ самой природы изучаемыхъ явленій. Поэтому и расхожденіе признаковъ есть такое же всеобщее въ біологическомъ мірѣ явленіе, какъ и господство основныхъ законовъ. И мнѣ думается, что этотъ фактъ расхожденія признаковъ есть такое же общее явленіе въ области культурнаго развитія, какъ и въ біологіи.

Сколько бы намъ ни говорили объ общихъ стадіяхъ культурнаго развитія, сколько бы ни указывали намъ на

общіе для множества народовъ обычаи и факты, хоть сколько-нибудь близкое знакомство съ жизнью отдѣльныхъ народовъ говоритъ намъ, что не было и нѣтъ двухъ народовъ, развитіе которыхъ было бы тожественно, что чѣмъ дальше отстоятъ другъ отъ друга два народа, тѣмъ своеобразнѣе ихъ культура, и что даже развитіе двухъ очень близко стоящихъ другъ къ другу народовъ принимаетъ различное направленіе. Сколько бы ни указывали намъ общихъ чертъ въ развитіи евреевъ и грековъ или грековъ и римлянъ, все же въ общемъ итогѣ, именно въ существенномъ, а не въ мелочахъ еврейская исторія не есть греческая, а греческая не есть римская, точно такъ же, какъ исторія Испаніи очень далека отъ исторіи Англіи, а исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ очень далека отъ исторіи Франціи, если даже оставить въ сторонѣ Россію, Турцію, Японію, Китай и т. д.

Сколько бы намъ ни говорили о единствѣ развитія въ будущемъ и сколько бы намъ ни приводили отдѣльныхъ намековъ на единство развитія въ прошломъ, — неизмѣримо сильнѣе всѣхъ этихъ спорныхъ гаданій и часто сомнительныхъ гипотезъ тотъ реальный, не подлежащій спору фактъ, что въ дѣйствительности единство культуры мы встрѣчаемъ только тамъ, гдѣ было тѣсное взаимодѣйствіе или сліяніе двухъ культуръ, гдѣ же не было ни того, ни другого, тамъ культуры двухъ народовъ въ цѣломъ рѣзко отличаются другъ отъ друга.

Повторяю, это реальный, не подлежащій никакимъ спорамъ, неотразимый фактъ,—мы можемъ его такъ или иначе толковать, такъ или иначе объяснять, указывать тѣ или иныя причины, дѣлать тѣ или иные выводы, но все-таки фактъ останется фактомъ, и поэтому всякую гипотезу или теорію, которая не желаетъ считаться съ этимъ фактомъ, мы имѣемъ право признать ненаучною. И этотъ фактъ такъ же мало противорѣчитъ существованію общихъ законовъ культурнаго развитія, какъ и существованіе лягушки и мухи, таракана и соловья, столь мало похожихъ другъ на друга, ничуть не подрываетъ неумолимаго господства общихъ всему біологическому міру основныхъ законовъ.

Мнѣ кажется, и историческіе факты и теоретическія соображенія съ одинаковою убѣдительностью говорятъ намъ за то, что въ мірѣ культурнаго развитія случай есть такой

же всемогущій факторъ, какъ и въ мірѣ біологическомъ, случай не въ смыслѣ отсутствія причинъ, а въ смыслѣ такой комбинаціи ихъ, которая встрѣчается однажды и второй разъ не повторяется и которая совершенно не вытекаетъ изъ тѣхъ общихъ для всѣхъ явленій даннаго порядка причинъ, которыя однѣ только и поддаются нашему учету.

Я особенно подробно остановился на вопросѣ о законѣ и случаѣ, потому что тотъ или иной взглядъ на значеніе случая въ исторіи играетъ важную роль во взглядѣ на значеніе геніальности.

Обыкновенно разсуждаютъ такъ: въ исторіи царитъ законъ, слѣдовательно, здѣсь нѣтъ мѣста случаю, стало быть, и такое случайное явленіе, какъ геніальность, не можетъ вліять на ходъ исторіи. Цѣль моя заключалась, именно, въ томъ, чтобы указать на совершенную ненаучность такого вывода и на условность понятій закона и случая. Но я очень далекъ и отъ того, чтобы изъ приведенныхъ соображеній прямо дѣлать тотъ выводъ, что, слѣдовательно, геній можетъ вліять на исторію. Изъ несостоятельности того довода, на основаніи котораго обыкновенно отрицаютъ роль геніальности въ развитіи исторіи, вовсе не вытекаетъ еще тотъ положительный выводъ, что геній, дѣйствительно, играетъ важную роль въ развитіи культуры.

Я перейду теперь къ разбору другого довода, который также часто приводится для доказательства того, что геній не играетъ никакой роли въ исторіи.

Именно, намъ говорятъ иногда, что геніальность есть отнюдь не случайное, а необходимое явленіе, что генія создаетъ „время“; что если бы въ данную эпоху не явился одинъ великій человѣкъ, то явился бы другой, гдѣ нѣтъ Кромвеля, тамъ есть Наполеонъ, если бы не было Колумба, то явился бы кто нибудь другой.

Въ основѣ такого разсужденія, несомнѣнно, лежитъ наблюденіе надъ фактами, но дѣло въ томъ, что это не есть простое констатированіе факта, а извѣстное толкованіе его. Наблюденіе это заключается въ томъ, что въ критическіе для исторіи народа моменты, въ эпоху переломовъ, сильныхъ движеній всегда на историческую сцену выступаютъ, такъ называемые, великіе люди. Слѣдовательно, говорятъ намъ, въ лучшемъ случаѣ они лишь выразители того, что думаетъ

и чувствуетъ толпа, выразители того, что и безъ нихъ назрѣло. Правильность самаго наблюденія не подлежитъ спору, но едва ли можно сказать то же о правильности вывода. Прежде всего, мнѣ кажется рѣшительно ни на чемъ не основаннымъ представленіе о томъ, что геніи являются только въ выдающіеся историческіе моменты. Если отказаться отъ всякихъ мистическихъ взглядовъ на геніальность и смотрѣть на нее какъ на рѣзкое индивидуальное, случайное, но въ то же время и фактически, и логически неизбѣжное отклоненіе отъ средняго типа, то разсужденіе надо начинать съ признанія того положенія, что во всякомъ обществѣ во всякій данный моментъ есть геніи, хотя, конечно, и не всегда одинаковой величины,—какъ во всякомъ табунѣ есть лошади съ короткими ушами, а есть и со сравнительно длинными, какъ на всякой сельской сходкѣ есть мужики глупые, а есть и умные, и какъ среди множества пущенныхъ по склону горы камней всегда неизбѣжно будутъ какъ такіе камни, которые тутъ же застрянутъ гдѣ нибудь за кустомъ, такъ и такіе, которые откатятся гораздо дальше другихъ камней.

Рѣзкія индивидуальныя отклоненія отъ средняго типа, феноменальный въ сравненіи со средней въ данной средѣ нормою умъ, память, энергія, изобрѣтательность или чуткость, другими словами, геніальность, существуютъ во всякой сколько нибудь многочисленной общественной группѣ; но общество не всегда въ ней нуждается, не всегда присутствіе или отсутсутствіе ея имѣетъ для общества роковое значеніе.

Я позволю себѣ еще разъ обратиться къ біологіи. Я думаю, что мы можемъ положительно сказать, что въ жизни каждаго біологическаго типа бываютъ моменты, когда индивидуальныя уклоненія отъ господствующаго типа не имѣютъ почти никакого или очень мало значенія, и бываютъ моменты, когда они имѣютъ рѣшающее значеніе.

Возьмемъ такой примѣръ. Предположимъ, въ какихъ нибудь холодныхъ странахъ водится видъ медвѣдей, давно установившійся и вполнѣ приспособившійся къ обычнымъ условіямъ зимы въ данной мѣстности. Имѣютъ ли въ такомъ случаѣ индивидуальныя отклоненія отъ средняго типа, напримѣръ, болѣе длинная и густая или болѣе короткая и рѣдкая шерсть, какое-либо значеніе для развитія этого вида? Безусловно нѣтъ.

Разъ видъ приспособился къ даннымъ условіямъ, и мѣхъ средняго медвѣдя достаточно тепелъ для того, чтобы онъ могъ переносить обычные для данной мѣстности морозы, не подвергаясь гибели, то болѣе теплый мѣхъ вовсе не дастъ отдѣльнымъ особямъ какихъ-либо такихъ преимуществъ, которыя повели бы къ торжеству въ борьбѣ за жизнь, именно, данныхъ индивидовъ и къ гибели остальныхъ. И существованіе особей съ особенно теплымъ мѣхомъ не будетъ имѣть рѣшительнаго значенія въ жизни даннаго вида. Но предположимъ, что климатическія условія данной страны болѣе или менѣе рѣзко измѣнились, настолько рѣзко, что медвѣдь со среднимъ мѣхомъ почти не переноситъ наступившихъ болѣе холодныхъ зимъ. Въ такомъ случаѣ положеніе будетъ совсѣмъ иное. Всѣ особи съ плохимъ мѣхомъ и большинство особей со среднимъ мѣхомъ погибнутъ, а особи съ исключительно хорошимъ мѣхомъ останутся живы и приспособятся къ условіямъ измѣнившейся среды. Другими словами, при тѣхъ условіяхъ, къ которымъ данный видъ примѣнился, существованіе рѣзкихъ индивидуальныхъ отклоненій едва ли можетъ имѣть большое значеніе, напротивъ того, при рѣзкомъ измѣненіи условій существованіе ихъ имѣетъ рѣшающее, роковое значеніе. Не будучи спеціалистомъ по біологіи, я все же рѣшусь сказать, что этотъ фактъ хотя и отмѣченъ біологами, но, насколько мнѣ извѣстно, не выдвинутъ на первый планъ, а между тѣмъ онъ имѣетъ, какъ мнѣ кажется, капитальное значеніе въ вопросѣ о расхожденіи признаковъ и о происхожденіи видовъ.

Этотъ фактъ, мнѣ кажется, вполнѣ объясняетъ намъ, почему постоянство видовъ есть все же господствующее правило, а измѣненіе ихъ—исключеніе, между тѣмъ какъ, если руководствоваться взглядами, высказанными самимъ Дарвиномъ, то устойчивость видовъ намъ должна представляться не вполнѣ понятнымъ и даже нѣсколько неожиданнымъ явленіемъ.

Разъ выработалась группа особей такого въ среднемъ типа, что онѣ могутъ существовать и давать потомство среди данныхъ условій, то отдѣльныя случайныя уклоненія отъ средняго типа въ ту либо иную сторону не могутъ имѣть рѣшающаго значенія для развитія вида. Вѣдь индивидуальныя уклоненія, во-первыхъ, случайны, какъ мы предполагаемъ, а во-вторыхъ, безконечно разнообразны. У медвѣдя

не только мѣхъ можетъ быть теплый или холодный, но и ноги могутъ быть длинныя или короткія, сильныя или слабыя, зубы острые или тупые, и т. д. и т. д. И разъ мы признаемъ уклоненія отъ средняго типа случайностью, то мы должны признать на основаніи теоріи вѣроятія, что эти разнообразныя полезныя или вредныя отклоненія будутъ распредѣляться болѣе или менѣе равномѣрно, т. е., если, напр., для каждой особи возможно 100 различныхъ отклоненій отъ средняго типа, то у каждой особи въ отдѣльности мы должны предполагать на 50 полезныхъ отклоненій — 50 вредныхъ, у медвѣдя съ теплымъ мѣхомъ могутъ оказаться ноги короткія, а у медвѣдя съ плохимъ мѣхомъ могутъ оказаться болѣе сильныя челюсти и т. д. И въ такомъ случаѣ значеніе полезныхъ приспособленій въ борьбѣ за существованіе будетъ парализоваться значеніемъ вредныхъ. Если прибавить къ этому, что по той же теоріи вѣроятія презумпція должна быть не въ пользу того, что оба родителя будутъ обладать одинаковыми приспособленіями, а какъ разъ обратно, въ пользу того, что они будутъ обладать совершенно различными отклоненіями, то устойчивость вида въ теченіе не только сотенъ, но и тысячъ и десятковъ тысячъ лѣтъ, разъ видъ примѣнился къ данной средѣ, будетъ для насъ фактомъ логически необходимымъ. Измѣненіе будетъ возможно только тамъ, гдѣ измѣняются условія существованія даннаго типа, и благодаря этому присутствіе или отсутствіе нѣкоторыхъ спеціальныхъ отклоненій у особи пріобрѣтаетъ роковое, рѣшающее значеніе для его гибели. Тогда совершается рѣшительный отборъ, — все, что не удовлетворяетъ данному опредѣленному требованію, сметается природою, все, что удовлетворяетъ ему, торжествуетъ. И если требованіе поставлено достаточно рѣзко, то вымрутъ не только особи съ отрицательнымъ, вреднымъ въ данномъ смыслѣ отклоненіемъ, но вымретъ и весь средній типъ, и восторжествуютъ лишь особи съ крайними отклоненіями въ томъ или иномъ направленіи,—во взятомъ нами примѣрѣ уцѣлѣютъ лишь особи съ феноменально длинною или пушистою шерстью, или же феноменально толстые и жирные или еще что либо въ этомъ родѣ.

Такимъ образомъ рѣзкія, крайнія отклоненія отъ средняго типа существуютъ всегда и вездѣ, но при обычныхъ

для даннаго типа условіяхъ они не играютъ никакой роли, въ критическіе же моменты они имѣютъ рѣшающее значеніе.

Если, повторяю, не держаться какихъ либо мистическихъ взглядовъ на геніевъ, то мы должны думать, что въ первой половинѣ XVIII вѣка во Франціи было приблизительно столько же людей, способныхъ проявить геніальныя военныя дарованія, сколько ихъ было и во второй половинѣ того же вѣка, но въ одномъ случаѣ страна не нуждалась въ нихъ, а въ другомъ она нуждалась. И поэтому въ одномъ случаѣ они остались никому неизвѣстными или же пріобрѣли извѣстность способныхъ генераловъ, но не болѣе, а въ другомъ они пріобрѣли себѣ славу геніальности, и отъ присутствія или отсутствія ихъ въ значительной степени зависѣла судьба страны. Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливо, что время создаетъ геніевъ, и что появленіе великихъ людей есть неизбѣжный спутникъ всякаго критическаго момента въ исторіи общества.

Но слѣдуетъ ли отсюда, что исходъ борьбы въ такой критическій моментъ былъ бы совершенно одинаковъ, все равно присутствовали ли бы или отсутствовали эти крайнія отклоненія отъ нормы? Гдѣ нѣтъ Ивана, тамъ явится Петръ: да, это совершенно вѣрно, потому что такихъ болѣе или менѣе рѣзкихъ отклоненій отъ средней нормы не одно и не два, а нѣсколько, и если бы случайность унесла Гуса, то явился бы Лютеръ, а если бы случайность унесла и его, то явился бы Кальвинъ и т. д. Но если мы хотимъ отрицать значеніе геніальности вообще, то мы должны доказать, во-первыхъ, то, что ходъ событій совершенно не измѣнился бы отъ того, что мы устранили бы не одного Колумба, но и всѣхъ тѣхъ очень даровитыхъ моряковъ, которые могли хоть до извѣстной степени замѣнить его, а, во-вторыхъ, мы должны доказать еще и то, что тотъ выходъ, къ которому направилось общество, былъ единственно возможный. Говоря, что не будь Колумба, явился бы кто нибудь другой на его мѣсто, мы этимъ вовсе не отвергаемъ значеніе геніальности, а лишь утверждаемъ, что въ данной средѣ возможенъ не одинъ человѣкъ съ дарованіями Колумба, а нѣсколько. И если бы мы захотѣли отрицать значеніе геніальности, то мы должны были бы утверждать, что Америка все равно была бы открыта въ исходѣ XV вѣка, если бы даже тогда не бы-

ло людей, которые по своимъ дарованіямъ высоко стояли бы надъ среднимъ уровнемъ того времени, и что открыть Америку можно было бы, не обладая ни выдающимся умомъ, ни выдающеюся энергіей, ни выдающимися знаніями.

Вторая ошибка при подобнаго рода разсужденіяхъ заключается, какъ я указывалъ, въ томъ предположеніи, что развитіе общества только и могло итти въ томъ направленіи, въ какомъ оно шло.

Если бы подъ вліяніемъ измѣненія климатическихъ условій большинство особей взятаго нами выше вида медвѣдей вымерли, и выработался бы типъ медвѣдей съ какой нибудь особенно длинною или густою шерстью, то намъ сказали бы, что дѣйствующая причина здѣсь холодъ, и что такой исходъ развитія естественъ, простъ и необходимъ. Но такъ ли это? Есть ли такой выходъ изъ положенія единственно возможный? А развѣ не могъ весь видъ вымереть? Развѣ зимняя спячка въ берлогѣ, или отложеніе подкожнаго жира, или переселеніе въ болѣе теплую страну, или временная перекочевка на зиму,—развѣ всѣ эти и десятки другихъ возможностей не представляютъ такого же естественнаго выхода изъ даннаго положенія, какъ и допущенный нами? И разъ условія таковы, что видъ не можетъ существовать при нихъ, не измѣнившись, то судьба его будетъ зависѣть отъ того, какія существуютъ въ немъ отклоненія отъ средняго типа. Понятный выходъ изъ положенія не есть единственный выходъ, и объяснить выходъ не значитъ доказать его необходимость,—смѣшеніемъ этихъ понятій очень часто грѣшатъ, какъ мнѣ кажется, историки, пытающіеся установить общіе законы историческаго развитія.

Вотъ тѣ соображенія, которыя, какъ мнѣ кажется, не позволяютъ намъ такъ рѣшительно отвергать значеніе геніальности въ исторіи и которыя заставляютъ насъ склоняться скорѣе въ пользу того взгляда, что, когда жизнь ставитъ обществу такія задачи, рѣшеніе которыхъ не по силамъ для огромнаго большинства, въ такіе моменты геніальныя личности, выступая на первый планъ, играютъ весьма значительную, въ рѣдкихъ случаяхъ, быть можетъ, даже рѣшающую роль. Считаю не лишнимъ при этомъ подчеркнуть, что я говорю все время не объ одномъ какомъ либо геніи, а о геніальныхъ личностяхъ, т. е. обо всѣхъ тѣхъ

индивидахъ, которые обладаютъ совершенно исключительными среди данной группы дарованіями.

Я высказалъ свой взглядъ въ такой весьма условной формѣ, потому что прекрасно сознаю, что сказаннаго мною еще очень мало для полнаго рѣшенія вопроса. И цѣль моя была вовсе не въ томъ, чтобы возвеличивать значеніе геніальности въ исторіи, и не въ томъ, чтобы выдвигать на первый планъ случайность въ ущербъ закономѣрности. Я имѣлъ въ виду не столько установить какой либо положительный выводъ, сколько указать логическую несостоятельность тѣхъ утвержденій, которыя обыкновенно или часто высказываются по поводу роли геніальности въ развитіи культуры.

Для того, чтобы всесторонне разсмотрѣть вопросъ, необходимо сперва сдѣлать двѣ предварительныхъ работы: прежде всего, точнѣе установить цѣлый рядъ чисто логическихъ понятій—причины, условія, закона, случая, а затѣмъ разсмотрѣть вопросъ о развитіи культуры во всей его полнотѣ, и—что особенно важно—надо было бы разсмотрѣть и спеціальные законы соціальнаго развитія, ибо, именно, въ этой области культуры и возникаютъ главныя контроверзы о роли идей и геніальности, но все это выходило изъ рамокъ моего и безъ того слишкомъ длиннаго сообщенія.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.